

Бойд Александер

ОТ НИГЕРА ДО НИЛА

Дневник экспедиции 1904—1907 гг.
Впервые на русском языке. Том 2

Бойд Александр
От Нигера до Нила.
Дневник экспедиции
1904—1907 гг. Впервые
на русском языке. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607896
ISBN 9785449040725

Аннотация

В настоящем издании я представил свой перевод второго тома книги Бойда Александра, английского путешественника начала XX века, который пересек континент в экспедиции, полной приключений и опасностей. Эта книга никогда не переводилась на русский язык. Автор дает интересные описания туземных племен Африки, охотничьих приключений и междоусобных войн. Переводчик – Анатолий Смирнов.

Содержание

ГЛАВА XVIII. СРАЖЕНИЕ С РАЗБОЙНИКАМИ ТУБУ	10
ГЛАВА XIX. МОЕ ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ОЗЕРО	36
ГЛАВА XX. ИССЛЕДОВАНИЕ ОЗЕРА ЧАД	62
ГЛАВА XXI. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ОЗЕРО ЧАД	88
ГЛАВА XXII. ВВЕРХ ПО РЕКЕ ШАРИ ДО ГУЛЬФЕ	109
Конец ознакомительного фрагмента.	117

**От Нигера до Нила
Дневник экспедиции
1904—1907 гг. Впервые
на русском языке. Том 2**

Бойд Александер

Переводчик Анатолий Павлович Смирнов

© Бойд Александер, 2018

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2018

ISBN 978-5-4490-4072-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

FROM THE NIGER TO THE NILE

BY

LIEUTENANT BOYD ALEXANDER

RIFLE BRIGADE

IN TWO VOLUMES

VOLUME II

WITH ILLUSTRATIONS AND MAPS

LONDON
EDWARD ARNOLD

Publisher to the India Office

Капитан стрелковой бригады Джордж Беннет Гослинг
(Captain G.B.Gosling, Rifle Brigade)

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

В настоящей книге я предлагаю читателю сделанный мной перевод 2-го тома книги английского исследователя тропической Африки Бойда Александера, который в 1904—1907 годах совершил экспедицию от устья реки Нигер до Нила. В этой экспедиции из четырех англичан погибли двое. Автор в увлекательной форме рассказывает о туземных племенах, их обычаях, истории. Здесь есть охотничьи приключения, встречи с дикарями-людоедами, описания военных действий колониальных войск, междоусобные войны и т. д.

Книга вышла в Лондоне в 1907 году и НИКОГДА НЕ ПЕРЕВОДИЛАСЬ НА РУССКИЙ ЯЗЫК. В этом издании было два тома. Первый том я попытался выложить в Интернет полностью, но из-за превышения лимита в мегабайтах (из-за большого количества фотографий и карт) это не получилось, пришлось делить на две части.

Второй том удалось поместить в существующие лимиты, поэтому он представлен в одной книге. В этом томе оставшиеся двое из четырех англичан продолжили исследования малоизученного в то время озера Чад, затем отправились на юг по рекам, пересекающим саванны Центральной Африки. Углубившись в тропические леса бассейна реки Конго,

они последовали на восток. Автор, оставшись единственным европейцем в весьма поредевшей экспедиции сумел с помощью туземцев организовать перенос последней оставшейся лодки через водораздел великих рек Конго и Нила, а затем по неизученной реке в тропических дебрях в течение двух месяцев плыть до ближайшего британского форпоста на Белом Ниле в Южном Судане.

В ходе трехлетней экспедиции автор с тремя товарищами, а затем один, прошел более 6000 миль (10000 км) через территории враждебных и разбойничьих племен, людоедов, диких народов, никогда не видевших белого человека. Бойд Александер увлекательно описывает странные для европейцев обычаи туземных народов, их необычные наряды и внешность.

Сам автор в ходе второй своей экспедиции в Африку был в 1910 году убит туземцами.

Анатолий Смирнов, переводчик

ГЛАВА XVIII. СРАЖЕНИЕ С РАЗБОЙНИКАМИ ТУБУ

Именно во время моего путешествия, описанного в предыдущей главе, я имел счастье наблюдать бой между людьми племени тубу и качеллой Йо (наместником султана в Йо). Раньше мне приходилось упоминать о тубу, и я буду делать это еще раз в следующей главе; но всякий раз, когда они появляются на сцене, это всегда связано с каким-то актом беззакония и разбоя.

Это племя кочевников-разбойников, которые живут во французской Сахаре за рекой Йо, где они ведут кочевую жизнь, и их единственный промысел – выращивание овец и крупного рогатого скота, шерсть и шкуры которых они приносят на рынки для обмена на кукурузу. Несомненно, их стада пополняются за счет тех животных, которых они уведут во время своих рейдов через реку в Борну. Также мы знали, что они похищают женщин и детей, когда на это получают шанс, и продают их людям будума в качестве рабов.

Они вооружены длинными копьями, ездят на верблюдах и маленьких лошадях, на которых могут путешествовать на очень большие расстояния, быстро концентрируясь в точке, где был назначен рейд, и внезапно рассеиваются, когда их встречает сильный противник.

Современный тубу

Современный тубу

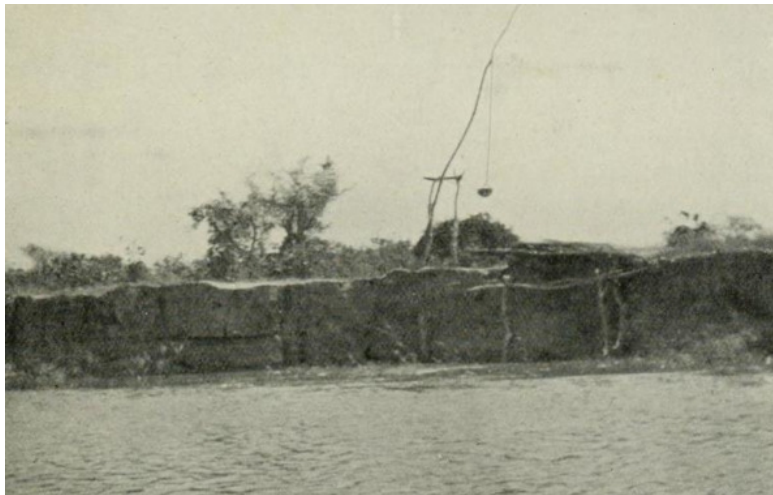

Современный тубу

Тубу имеют союзников в лице племен моббур, которые обитают в деревнях вдоль реки со стороны Борну. Эти люди живут главным образом без законов, грабят друг друга, а также своих соседей, а их начальники-канури, не имеют никакого контроля над ними. Они имеют восточное происхождение и очень напоминают берберов по типу. Кроме того, их способ выращивания пшеницы такой же, как и у народов на Ниле. Их поля орошаются канавами, выкопанными близко к берегу реки. Воду в каналы из реки подают с помощью примитивных ручных приспособлений. Орошение требует работы по многу часов каждый день.

Туземный «насос» для перекачивания воды из одной оросительной канавы в другую

Приспособление для заполнения оросительных канав из реки Йо

Когда в разных городах этой части страны организуются рынки, коварные моббур используют выгоду союза с тубу, для которых первые выступают в качестве шпионов, предоставляя информацию о дорогах, по которым будущие жертвы будут везти товар, а часто и сами участвуют в нападениях, за что получают часть добычи. Эти акты беззакония становятся более частыми, когда падение уровня воды в реке облегчает тубу переправу на другой берег и доставку награбленного на свою сторону, где их преследование затруднительно.

В это время район находился в самом тревожном состоянии; туземцы собирались вооружаться и путешествовали только ночью из-за боязни тубу, которые из-за сухого сезона снова намеревались активизировать свою разбойничью деятельность. Кроме того, караван в Мекку проходил по всей стране, и это всегда давало прекрасную возможность для грабежа, Тубу, как стервятники, парили по всему пути мирных паломников и их стад.

Этот караван был частью великого паломничества, которое ежегодно едет в Мекку из всех мусульманских районов Африки. Паломники с запада идут через Форт-Лами (ныне Нджамена, столица Чада. Примечание переводчика) и Фиттри в Вадай и так далее через Дарфур к Нилу, где они нанимают лодки до Хартума, через который, как мне сказали, в этом году прошли 80 000 человек. Из Хартума британское правительство дает возможность всем, у кого нет своих средств передвижения, проехать по железной дороге до Суакина, а оттуда на лодках через Красное море в Джидду. Когда караван отправляется к Суакину, это живописное зрелище. Лагерь паломников с их белыми палатками на фоне бесплодных песчаных холмов, где, когда поезд останавливается, путешественники спрыгивают с вагонов и присоединяются к другим паломникам, чтобы за несколько минут помолиться до того, как поезд продолжит путь. Места таких молитв отмечены камнями. Истинный магометанин должен, хотя бы один раз в своей жизни, совершить паломничество в Мек-

ку, и путешествие туда и обратно часто занимает четыре года. С искренне набожными идут много нахлебников, которые используют защиту, которую караван предоставляет для путешествий и торговли. Многие из этих пристроившихся, когда они достигают понравившегося им места, селятся там, и лишь немногие из них выходят за пределы рынков Вадая (Вадай – в то время территория между озером Чад и провинцией Дарфур на западе Судана. В настоящее время – часть государства Чад. Примечание переводчика).

Караван, который нынче собирался в Мекку, первоначально стартовал в Тимбукту и, увеличиваясь по мере того, как он проходил по разным территориям, теперь насчитывал 700 человек и тысячу голов овец и крупного рогатого скота. Караван возглавляли малламы (проповедники) хауса и фулани, которые следили за кормлением паломников и отвечали за порядок в караване. Малламы также организовали оплату пошлины за защиту различным вождям и царькам, через чьи страны проходил караван.

Организация была прекрасная, это медленно движущееся сообщество состоящее из разнообразных рас, крупного рогатого скота и овец, образовало колонну, протянувшуюся на многие мили. Шли целыми семьями, неся все свои вещи. Здесь были и взгромоздившиеся на спины волов малые дети, которых родители взяли в дорогу. Скот был их богатством, чтобы торговать и платить, и где бы они не останавливались, земля покрывалась пасущимися стадами, возникало

временное селение и появлялся рынок для торговли с местными жителями.

Таким образом, в течение 1500 лет эта река жизни ежегодно текла, и, скорее всего, также выглядела картина во времена еще более раннего пророка, чем Магомет, когда Моисей привел людей в Израиль из Египта.

Британское и французское правительства осознали великое политическое влияние, которое караван в Мекку оказывает на территории, которые он пересекает на своем пути с запада на восток; и очень разумно, что они оказывают ему всяческую помощь и защиту при прохождении через районы, которые находятся под их контролем. Таким образом, паломники разносят весть о силе и доблести белого человека во всех регионах, которые до сих пор оставались невежественными или их люди подозрительно относились к правлению европейцев.

Пилигримы на пути в Мекку

Этот караван вошел в Борну в Гайдаме (Западная Нигерия – $10^{\circ} 27' N$ $11^{\circ} 45' E$), где он попал под британскую защиту, и английский резидент послал приказ качелле территории Йо предоставить эскорт, чтобы обеспечить каравану безопасность во время пути через его район. Соответственно, качелла, великолепный экземпляр человека, высотой 6 футов 3 дюйма и знаменитый вояка, вылетел из Йо с более чем 150 всадниками и сформировал конвой для каравана. Непосредственно за городом Бултури (современный Гашагар на реке Йо, в 100 к западу от озера Чад – примечание

переводчика), в тредневном марше от Гайдама, проезжая через густой буш, караван попал в засаду моббуров, которые произвели обстрел отравленными стрелами, убив несколько лошадей и двоих людей эскорта. Этот случай на некоторое время привел караван в замешательство, из которого он был выведен с трудом, а много скота и овец были потеряны или стали жертвами моббуров. На выходе из буша паломники встретили более грозного врага в лице 400 всадников тубу, ожидающих на равнине и готовых начать атаку. Качелла быстро остановил караван и, став во главе своего отряда, на лошади направился прямо к тубу, врезавшись в их толпу, и застрелив двух разбойников из револьвера. Настолько блестящим было нападение отряда и так велика была личная храбрость качеллы, что тубу, хотя их было в три раза больше, отступили и на некоторое время скрылись за пересыхающей мелководной рекой. В этой битве Качелла получил восемь ран, потеряв семь человек и тридцать лошадей. Потери тубу были больше, и хотя они оставалось более многочисленными, чем отряд эскорта, разбойники не осмелились далее преследовать караван и дали ему возможность без дальнейших потерь попасть в Бултури, где он укрылся за оградой. Однако, тубу вернулись и окружили город, блокируя все пути выхода, и качелла был осажден в оставаться там в течение четырех дней, не осмеливаясь выйти со своими ослабленными силами и панически настроенным караваном.

На третий день осады качелле удалось послать двух всад-

ников, прорвавшихся через кольцо разбойников и доскакавших до старого «короля» провинции Йо, попросив его выяснить мое местонахождение и попросить меня собрать всех людей, которых я смогу отправить на помощь Бултури. В это время я был в деревне Арреги примерно в пятнадцати милях от деревни Йо (одноименной с названием реки и провинции), где посланники нашли меня в тот же вечер. Я сразу же вызвал местного вождя и приказал ему привести всех мужчин, которых он мог найти в округе. К утру он собрал шесть всадников и тридцать лучников, и я сразу же направился с ними к Йо. Дорога проходила через густой буш, и мы не могли видеть дальше, чем на сотню ярдов вперед. Было очень холодно, как в английский зимний день.

Примерно в трех милях от деревни Йо нас встретили гонцы, которых отправил «король», чтобы получить известие о том, где мы сейчас находимся. Гонцы поспешили назад к «королю», а мы сами вошли в селение в полдень. Я очень хотел как можно скорее направиться к Бултури, поэтому сразу же отправился в дом, в котором я останавливался раньше, и где мне сказали, что «король» вскоре придет. Он подъехал днем в сопровождении около сорока лучников. Он был лохматый, с густой седой бородой. На голове он носил широкополую соломенную шляпу. Его тело было одето в длинное пальто с защитой от стрел, а у его плеча висел колчан со стрелами. На его поясе висел Коран в кожаной сумочке, а на его боку – меч, в руке он держал лук. В целом – воинственная

фигура. Но его вид противоречил его репутации слабого правителя. Действительно, вся власть находится в руках качеллы (наместника султана), хотя он по рангу не такой большой человек, как «король».

«Король» провинции Йо

Тем не менее, «король» выразил намерение сопровождать меня, и мы немедленно организовали военный совет. Я сказал ему, что готов немедленно идти, но «король» посоветовал подождать до наступления темноты, так как теперь жара была очень велика, и люди, которых я привел из Арреги, нуждались в отдыхе, прежде чем совершить марш в двадцать миль к Бултури. С этим предложением я согласился. Соответственно, после короткого отдыха и еды, я начал движение в пять часов вечера, договорившись встретиться с королем недалеко от осажденного города, так как он отправился собрать еще больше людей. Кроме меня, Хосе и короля, у нас было только шесть всадников из Арреги, так как качелла взял с собой почти всех всадников из Йо.

Действительно, когда я пришел в этот день, селение казалось пустынным. Женщины и дети, оставленные, таким образом, незащищенными, находились, в основном, в своих домах. Остальная часть нашего отряда состояла из пяти человек моего эскорта, которых я обучил, как солдат, четырех носильщиков и около семидесяти лучников.

Форсированный марш в течение шести часов без перерыва привел нас в Погву или Город собак, так я переименовал его из-за наиболее характерной особенности. Здесь мы остановились на час, и я успел выпить чашку чая. Деревня оказалась почти пустой, потому что всех трудоспособных муж-

чин вызвали на службу к качелле. Но собаки, по-видимому, не последовали за своими хозяевами, судя по общему хору лая и воя, который мы уловили, как только подошли на дальность слышимости. Поскольку теперь мы находились в той части страны, которая ранее несколько раз подверглась набегам тубу, я принял меры предосторожности, выслав вперед разведчиков на оставшуюся часть марша. Также существовала опасность засады моббуров в густых пальмовых рощах, которые выстроились вдоль дороги на другой стороне Погвы. Но никаких врагов не было видно, и мы еще четыре часа шли к Бултури.

Уже начинался рассвет, когда раздался отдаленный грохот барабанов. По мере приближения грохот становился все громче, и в настоящее время можно было отличить отдельные такты, которые звучали в ритме, означающем определенные сигналы и слова. Это были тубу, сигнализирующие в осажденный город устрашающие фразы. Позже я услышал от Качеллы, что барабанщик всю ночь посылал сигналы такого смысла: «Где твои большие друзья? Мы придем, чтобы съесть тебя!»

Когда мы подошли, бой барабанов прекратился. По всему континенту аборигены имеют очень совершенную систему сигнализации барабанами, так они посылают сообщения из деревни в деревню, и довольно успешно и эффективно. Таким образом, они могут распространять новости быстро и далеко. Барабанная информация всегда передается ночью,

когда звук распространяется дальше, иногда на расстояние до двух миль.

В город Бултури мы вошли беспрепятственно, так как разбойники не организовали его круговую блокаду, это и позволило двум всадникам-гонцам принести известие, что караван попал в беду. Более того, узнав о нашем приближении и не зная наших сил, разбойники отошли за реку. Бултури предстал в необычном виде; повсюду стояли и лежали женщины, дети, паломники, священники и солдаты; лошади, коровы и овцы, в некоторых местах, сгруппированные, в других, разрозненные, дополняли картину величайшего смятения, напоминая сцену паники в «Ноевом ковчеге». Все люди и скот находились на открытом пространстве, окруженном грубой оградой из колючих кустов против нападения диких зверей ночью.

Скотина каравана паломников в Бултури

Как только мы вошли в пределы города, качелла выехал вперед с малламами и всадниками. Все искренне приветствовали нас и благодарили за помощь. Затем качелла отвел меня в свою большую арабскую палатку, которую мне предоставил.

Он рассказал о своем сражении с тубу, проверил, чтобы я ни в чем не нуждался и организовал кормление для моих людей, спрашивая, могут ли они урезать рацион, поскольку запас продовольствия иссякал. Качелла выглядел измученным потому, что страдал от ран, и, должно быть, потерял много крови. Но, как прирожденный воин и железный человек, он

никогда не говорил мне о своих ранах, считая раны достоинством лидера, и я узнал о ранениях только из его разговоров с Хосе, который был его старым знакомым. Хосе смазал раны йодом и перевязал, поэтому позже я смог их осмотреть. Всего было восемь ран от копья, на спине, груди, руках и ногах, три из них были значительной глубины, и вероятно, были бы смертельными, если бы не туземные «доспехи» против стрел. Хосе удивлялся, что этот человек может подняться и ходить вообще, будучи многократно раненым, опухшим и крайне ограниченным в движениях. И только его великолепная мышечная масса позволила ему держаться, скрывая слабость и боль, от которых он, несомненно, страдал.

День был потрачен на отдых моих людей и посылку всадников на разведку. Лагерь противника находился на расстоянии около четырех часов пути на французской территории, на другом берегу реки Йо. Качелла, который, несмотря на свои раны, стремился пойти туда, если бы у него не было строгих приказаний от правительства не входить на французскую территорию под любым предлогом, старался уговорить меня совершить ночную атаку, что мне невозможно было сделать по тем же причинам, и я был вынужден отказаться. Мы остались в Бултури. На следующее утро наша маленькая армия была собрана для марша, чтобы сопровождать караван в Йо. Это было великолепное зрелище. Качелла в защитном от стрел «пальто», толщина которого сделала пропорции воина гигантскими, водрузился на лошадь и принял

клятву верности от своих воинов. Сначала подошли лучники, которые молча потрясли своими луками; затем подъехали всадники, одетые в белые плащи, украшенные красными, синими и черными узорами, на лошадях, покрытых длинными защитными от стрел попонами, которые давали им сходство со средневековыми рыцарями, готовящимися на турнир. Подняв копья, всадники образовали кольцо вокруг вождя, издавая воинственные крики.

Качелла (наместник султана Борну) провинции Йо

В то время, как качелла с помощью Хосе организовывал караван для марша, я видел, как организуется отряд из авангарда всадников, которым командовал Хосе и арьергард под командованием старого «короля». Затем я расставил лучников через интервалы между паломниками каравана и выслал группы разведчиков по флангам. Мы с качеллой возглавили караван, который теперь начал медленно выходить из города. В процессии двигались волы, тяжело нагруженные пакетами, кастрюлями и сковородками, а поверх всего сидели маленькие обнаженные дети. Иногда эти грузы с грохотом падали на землю. Безмолвные женщины, балансируя корзинами на головах и неся своих детей, подвешенных за спину, шли, безразлично и устало смотря на окружающих. Коровы, овцы и козы шли в облаках пыли, мужчины и мальчики метались взад и вперед, чтобы провести свои стада через бреши в колючей ограде. В толпе тащились относительно не столь чернокожие фулани и хауса из Сокото, темнокожие люди из Мелле и Тимбукту, и многие малламы с их тюрбанами и белыми одеждами. Все шли спокойно и не чувствуя опасности. Кроме того, раненые в недавнем сражении ехали на ослах, а другие хромали рядом, в то время как старый воин ведомый своим сыном, нащупывал дорогу потому, как был совершенно слепым, так как копье разбойника-тубу выкололо ему оба глаза.

Качелла и «король» Йо выходят из Бултури

Сразу за пределами Бултури мы пересекли место сражения отряда качеллы с тубу, где опухшие и гниющие туши лошадей, которые стали жертвами отравленных стрел противника, источали ужасное зловоние *.

** Эффект от поражения отравленными стрелами внезапен и смертелен. Через несколько минут жертву охватывают судороги, которые быстро уступают место обесцвечиванию и опуханию тела. Малламы хранят секрет противоядия от яда, и передают его влиятельным вождям, которые таким образом демонстрируют свое мужество перед соплеменниками, не рискуя умереть от яда. Противо-*

ядие представляет собой жидкий препарат, который действует как превентивный, и воины, такие как наши качелла, которые часто подвержены риску ран от отравленных стрел, принимают суточную дозу. Таким образом, они могут выделиться среди своих воинов и могут атаковать противника, не рискуя умереть от отравленной стрелы. Противоядие также дается любимым лошадям, но в отношении их его защитный эффект отнюдь не определен. Есть много малламов-шарлатанов, которые притворяются обладающими секретным снадобьем и ведут бойкую торговлю с туземцами, которые веря им, покупают пустышку вместо лекарства. Купившие подобное «чудо-средство» в течение длительного времени будут верить в него, пока не получат свою стрелу. А получив ее, едва ли будут иметь достаточно времени, чтобы возбудить дело против исламского маллама за мошенничество.

Когда мы отошли, примерно, на пять миль от города, на противоположном берегу были замечены тубу, двигавшиеся параллельно на нашем левом фланге. В течение всего дня продолжалось это параллельное преследование, и караван тяжело шел через песчаные территории в облаках пыли, поднятой людьми, скотом и всадниками. Время от времени разведчики пытались атаковать отдельные малые группы врага на нашем берегу, но они не дожидаясь нападения, сразу скакали через реку.

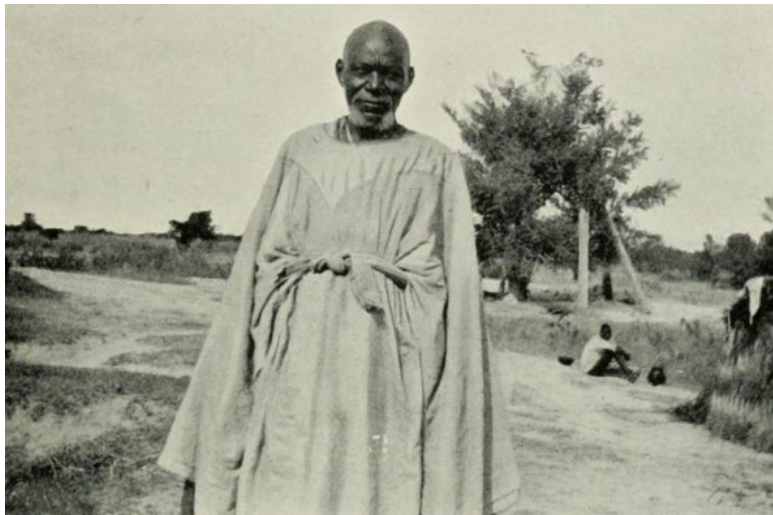
Вскоре отряд тубу показался впереди. Хосе собрал своих

всадников, которые теперь насчитывали шестьдесят (к нам на марше присоединилось еще несколько кавалеристов), и атаковал врага, который внезапно запаниковал и побежал, собираясь укрыться в густом кустарнике позади них. На своих маленьких лошадях они ушли с изумительной быстротой, растворившись в низком кустарнике, где нашим более крупным лошадям было невозможно следовать за ними. Тем не менее, некоторых из них достали копьями. Именно после этой битвы к нам подошел старик-воин из отряда, преследовавшего врага и, приветствуя нас, с гордостью показал нам кровавые раны на голове и на лице. Затем он спрыгнул с лошади, перевязал голову большими листьями, которые росли в кустах, и, снова поднявшись, поехал на свое место в авангарде.

Во время атаки один из всадников Хосе, человек, который сопровождал нас в нескольких охотничьих экспедициях в этой стране, повернул назад и побежал, проскользнув среди всадников основного отряда. Но острый глаз Качеллы быстро заметил беглеца, и вождь приказал его задержать. Оправдание дезертира основывалось на том, что он полагал, что основной отряд и так достаточно силен и не нуждается в его поддержке. У дезертира отняли копье и лошадь, он стал объектом всеобщего презрения и был вынужден идти пешком.

Караван следовал по трудному пути без остановок, за исключением таких случаев, когда тубу на время преграждали

дорогу. Вскоре мы дошли до Погвы, и здесь произошла еще одна короткая остановка, во время которой были расчищены пальмовые заросли во избежание засады моббуров. Проехав несколько миль через густой буш за деревней, разведчики обнаружили большой отряд тубу, поэтому авангард остановился, пока караван не укрылся на краю кустарника. Там, на равнине, недалеко от берега реки сосредоточились все силы тубу, всего около 400 всадников. Мы шли из города Бултури с большей скоростью, чем они ожидали, и поэтому застали их врасплох. Все разбойники были спешившись и купали в реке своих лошадей. Не теряя ни минуты, их атаковал наш авангард, а затем в рядах противника началась паника. Тубу бросились к своим лошадям и разбежались по всем направлениям. Всадники качеллы отлично орудовали своими копьями. Хосе заметил вождя тубу, окруженного толпой людей, поскакал напрямик к нему, схватил за поводья его лошадь и выстрелил в него, когда тот садился в седло.

Старый воин в накидке, защищающей от стрел. Он был одним из убитых в сражении

Тридцать врагов были убиты, а многие были ранены. Качелла потерял пять человек убитыми и несколько ранеными.

Смерть их лидера поразила разбойников, которые теперь полностью исчезли и оставили нас бесспорными хозяевами пути к Йо. Качелла и малламы были в восторге от успешного разгрома врага, и вождь отправил двух всадников, чтобы передать благодарность Хосе за то, что он убил вождя разбойников. Поскольку дорога была теперь безопасна, и мое присутствие в караване больше не было необходимо, я уехал с Хосе в Йо, прибыв туда около пяти часов. Некоторые па-

ломники из каравана остановились в буше. Остальные продолжали идти, пока не оказались в пределах видимости деревни, а потом легли на землю и уснули.

Дом, в котором я остановился по прибытии в Йо, располагался на небольшом холме недалеко от деревни. Вскоре Хосе попросил меня выйти наружу, и там, с холма, я увидел, как качелла и его воины собрались под бой барабанов вокруг развевающегося флага. Когда они увидели, что я вышел на холм, они поскакали галопом к нам; затем внезапно остановились передо мной, мгновенно вскинув свои длинные копья и крича: «Белый человек показал нам дорогу домой в Чад».

Когда качелла вошел в деревню, женщины и дети окружили его, спрашивая о подробностях, и он рассказал им об убийстве вождя тубу. Но, когда они просили его сообщить о своих павших, он не стал говорить, не желая слышать, как женщины плачут. Затем женщины ждали, когда все воины войдут в деревню, так что убитых можно было определить по их отсутствию в толпе победителей. И всю ночь раздавались рыдания женщин, призывавших погибших вернуться.

ГЛАВА XIX. МОЕ ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ОЗЕРО

13 февраля Гослинг отправился в Куссери (рядом с Форт-Лами, нынешней столицей Чада Нджаменой – прим. переводчика), который должен был стать нашей новой базой, взяв с собой большую часть снабжения. В его караване было не менее пятидесяти быков, чтобы нести груз, и пять лошадей, включая двух, принадлежащих повару Джону и Кавассо (мальчику-слуге моего покойного брата). Поскольку они были в Борну, великой стране лошадей, где многие имеют своего коня, «бои» обезумели в желании обладать лошадьми и больше ни о чем не говорили у костров в лагере.

Оказывается, Джон и Кавассо, инвестировали свои сбережения в лошадей в Кукаве, платя за них по 6 фунтов за голову; но их гордость владения лошадью была кратковременной и дорогостоящей, особенно для Кавассо, который должен был продолжить путешествие по воде, и поэтому повар и слуга вынуждены были расстаться с лошадьми в Форт-Лами, продав их по одному фунту за голову.

Баобаб

Хосе отправился в тот же день с Галадимой* и перевозчиками, чтобы собрать запасы кукурузы для нашего путешествия по озеру. В то же время он заложил запас провизии, в том числе ямса, перца, лука, сладкого картофеля, арахиса и помидоров. Эти последние, которые в основном выращивались в Монгонне, были тогда в полном сезоне и очень хороши. Я нашел их восхитительными, но им не хватало средств сохранения, потому что мы были вынуждены хранить их в герметичных коробках с салатным маслом.

* Дэн Галадина – «сержант» эскорта экспедиции, на-

гражденный медалью за военную кампанию британцев в Кано

По прибытии в Кукаву Хосе обнаружил, что не сможет получить «геро» (просо), которое он купил, как обычная женщина, на рынке. «Королева» Кукавы неохотно призналась, что ей сказали не помогать мне. Тогда Хосе, очень изумленный, отправился к «шеху» (шейху) для объяснений. Шейх сказал, что ему очень жаль, но он обязан подчиняться приказам. Он добавил, что ему сказали, что я «нехороший», и ему не следует вступать в сделку ни с одним англичанином. Однако, его собственное доброе сердце не было отравлено, и он тайком снабдил Хосе провизией и разместил его в доме возле дворца. В дневнике Гослинг от 13 февраля пишет: «Прибыл в Кову на закате и нашел инструкции „королю“ не продавать нам ничего. Однако, „шеху“ отправил человека, чтобы дать распоряжение выдать нам все безвозмездно и в достаточном количестве».

Я упоминаю эти инциденты, чтобы показать, что наша экспедиция встречала не только обычные трудности, с которыми сталкиваются все исследователи.

После отъезда Гослинга и Хосе Каддай стал очень скучным местом. Хижины носильщиков были пустынные, а по ночам только один или два костра проливали свет на пустынное поселение.

23 февраля Хосе вернулся, и лодки были готовы к нашему плаванию через озеро. Экипажи состояли из Галадимы, Ло-

уи (помощник повара), Кавассо (слуга), маленького мальчи-ка-канури (новый рекрут) и восьми «шестовиков» под руко-водством Одедая (кормчего). Мы взяли с собой достаточно «отбивных», чтобы продержаться месяц. Несколько остав-шихся носильщиков-хауса, которые были со мной от Локод-жи, были справедливо рассчитаны; двое из них взяли на се-бя обязательство доставить в Локоджу коробки с птичьими шкурками для отправки в Англию. Коробки прибыли в Ло-коджу в отличном состоянии после того, как эти люди про-шли 500 миль; что создает хорошую репутацию надежности носильщиков народа хауса.

Наши лодки в Каддае

В этой второй попытке пересечь озеро до устья Шари я ре-

шил попробовать использовать влияние потока воды из реки Йо, поэтому мы намеревались проследовать вдоль знакомого западного берега. Почти везде глубина была около 4 футов, такая «большая» глубина объяснялась тем, что река Йо отдала почти всю воду озеру.

На пути к устью Йо мы увидели то, что поначалу приняли за стадо коров, пасущихся на одном из островов, но приблизившись мы обнаружили, что это были бегемоты. Я насчитал их шестьдесят. Бегемоты оказались здесь из-за того, что река почти пересохла. Именно в это время года будума охотятся на бегемотов. Они убивают их копьями и разрезают шкуры на полосы, которые являются ценными статьями торговли на рынках Борну.

Мы расположились лагерем на острове около устья Йо в течение трех дней, в то время как Хосе отправился в Боссо, чтобы получить дополнительный запас провизии. В этот раз рыбаки-будума и пеликаны были не столь многочисленны потому, что рыба больше не спускалась в озеро, и река почти перестала течь. Вдоль ее русла вода была разбита на бассейны, которые были просто перенаселены прыгающей рыбой, и огромными крокодилами, отдыхающими в сухой траве на берегах.

Однажды утром в лагере поднялось волнение, когда «бои» увидели на горизонте, крошечное пятнышко, которое затем оказалось всадником, приближающимся к нам. Каждый задавался вопросом, кто это мог быть. Когда всадник был

в 500 ярдах от озера, он остановился, некоторое время пристально смотрел в нашу сторону, а затем ускакал. «Бои» заявили, что это был разведчик тубу.

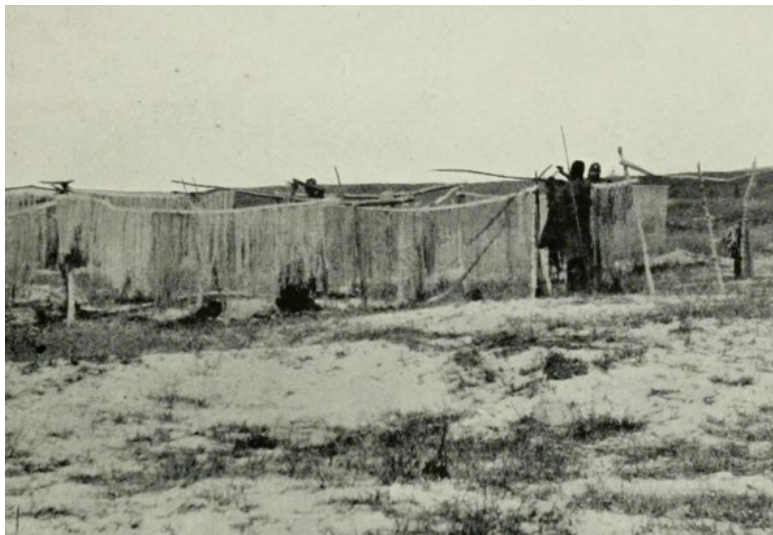
Наши лодки на озере Чад

Хосе вернулся, и мы продолжили свой путь, взяв курс на север, огибая берег. Когда мы проплыли около пяти миль, обнаружили маленький остров, длиной около полумили, лежащий справа от нас. Это была рыбацкая станция племени будума, покрытая каркасами из жердей, на которых сушились гигантские рыбы. Непосредственно слева от нас находился остроконечный мыс, который резко отклонялся на северо-запад, образуя большую бухту. На берегу лежали двадцать каноэ, которые будума бросили, как только увидели нас. Вся эта часть озера была чрезвычайно мелкой, и в воде было много аистов и других длинноногих птиц, которым во-

да едва достигала до колен. Это была самая северная точка озера, которую я достиг. Из-за мелководья было невозможно плыть дальше. Это препятствие для плавания подтверждается лейтенантом Фрейденбергом, французским офицером, который в ту пору изучал тот же регион.

Мы кричали людям будума, стараясь убедить их в наших дружественных намерениях, но не смогли заставить их вернуться. Это было очень неприятно, потому что нам нужен был лоцман-проводник. Однако, вернувшись на остров, нам повезло случайно застать там каноэ, и недалеко от него мы обнаружили его «экипаж», спрятавшийся в камышах. Это были дряхлый старик, его два сына и женщина с ребенком у груди. Их поведение и лица выражали крайний страх, и мне кажется, они думали, что наступил их последний день. Но я указал на флаг, который развивался на корме одной из лодок, знаками давая им возможность понять, что нечего бояться. Они вылезли из тростника, и вскоре сидели на корточках вокруг меня, с изумлением нас рассматривая. Вокруг были разложены сети и их улов. Среди прочих была одна большая рыба длиной более 5 футов. Перед отъездом я предлагал двум подросткам стать нашими проводниками, но они отказывались, говоря, что ничего не знают об озере «там» — указывая пальцами на восток. После этого мои «бои» кричали «Шеги, шеги» («Лжецы, мошенники»), заставив их в суматохе бежать к лодкам. Было забавно наблюдать за проявлениями ужаса, который овладел будума, когда они бежали

после того, как солгали мне об их незнании озера. Тем не менее, эти двое были нами оставлены в качестве проводников.

Рыболовные сети будума

Все шло хорошо в течение следующих двух дней, за которые мы проплыли почти двадцать миль. Вокруг была открытая вода с глубиной около 3 футов, и мое настроение значительно улучшилось. Но на третий день начались неприятности. Наш путь теперь блуждал по мелким бухтам, образованным массой небольших островов. Повсюду глубина воды уменьшалась до одного фута, а на дне лежала густая черная

грязь. Я был очень занят целыми днями, потому что стоя в лодке, производил наблюдения, которые мог, беря пеленги на острова призматическим компасом, а затем по пеленгам фиксировал их положение. Скорость лодки постоянно менялась, в какой-то момент она беспрепятственно двигалась вперед, а через минуту застревала в грязи. Тогда «бои» должны были прыгать за борт, погружаясь иногда по грудь и хватаясь за борта лодки, чтобы не увязнуть в грязи с головой. Таким образом они с трудом подталкивали лодку. Как они ненавидели эту работу! Но все-таки, они ее делали. Мы таким образом боролись с грязью на протяжении десяти миль, а затем глубина воды уменьшилась до 6 дюймов. Наступило чувство отчаяния потому, что через два часа ожидалась полная тьма, и старый страх быть вынужденными оставаться в лодках на всю ночь, подвергаясь нападению тысяч moskitov, парализовал нас. Ближайший остров был в полумиле отсюда, но нам с большим усилием, пробираясь по грудь в грязи и подталкивая лодку, удалось добраться до него как раз перед наступлением темноты. «Бои» к тому времени были полностью истощены, и были не в лучшем настроении. С самого начала они рассматривали озеро, как район, полный злого колдовства. Они боялись и людей будума, которые из-за своих странных способностей внезапно исчезать, наводили моих негров на мысль, что озерные аборигены жили под водой, как русалки.

Они всегда ненавидели меня, когда я приказывал им пры-

гать за борт, потому что боялись, что их утопят эти сказочные «подводные» люди. На чистой воде, когда сияло солнце, эти страхи в значительной степени рассеивались, но как только наступала темнота, их предчувствия возвращались. Именно тогда от меня требовалась особая осторожность в обращении с ними. Малейший признак колебаний с моей стороны мог стать началом мятежа.

Мои люди, с трудом преодолевая грязь, ищут открытую воду для лодки

Но в то же время, проявляя доброту и внимание в дру-

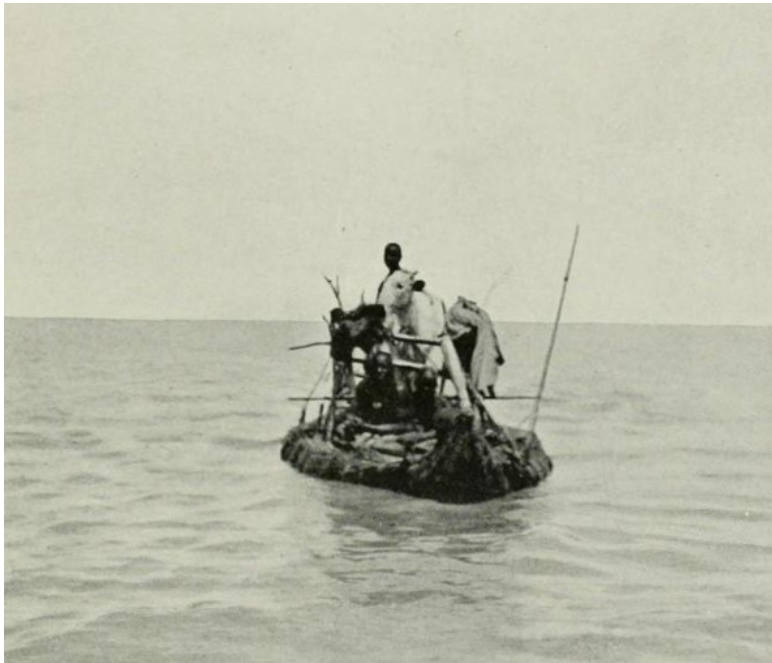
гих случаях, вы получаете полный эффект стойкости в критических ситуациях. Когда вы путешествуете по Африке, комфорту туземцев должно уделяться внимание не меньшее, чем в случае с цивилизованными белыми войсками. К сожалению, было слишком много примеров, когда белые относились к неграм, как к вьючным животным, которых нужно только погонять. Я взял за правило в походах на лодках начинать движение, если это возможно, не позднее половины шестого утра, чтобы совершить большую часть перехода до того, как солнце начнет жарить всюду, и давал людям часовой отдых в середине дня.

Таким образом, мы могли закончить дневную поездку в 15.30, что давало «боям» время, чтобы разбить лагерь, приготовить и съесть свою пищу до заката, к этому расписанию дня они привыкли. Их рацион в 2 фунта проса выдавался им в конце дневной работы, и лишь немногие из более осторожных туземцев не съедали все сразу, а откладывали, чтобы поесть в середине следующего дня. В случае большого количества носильщиков, они делятся для еды на группы. В каждой группе выделяется человек, который готовит еду на всех. Все члены группы садятся вокруг общей чаши, и каждый в свою очередь, окунает пальцы в пищу. Негр – общительное существо, и товарищество почти всегда необходимо для его благополучия. Очень редко можно увидеть туземца едящего или спящего в одиночестве. Я помню, что однажды мой староста каравана пожаловался на одного из но-

сильщиков, который ел и спал сам по себе. Староста убеждал меня в том, что тот человек нехороший и никуда не годится.

Мы вернулись на остров и разбили лагерь, пока не стало слишком темно. Люди были сильно уставшими, и уже стемнело, прежде чем они развели костры и приготовили свой заработанный ужин.

Ночь была холодная, поэтому двое из «боев» отдали свои одеяла людям будума. Когда настал день, мы обнаружили, что и будума и одеяла исчезли. Мы искали молодых негодяев по всему острову. Мои негры были в ярости и подожгли высокие сухие камыши в надежде выкурить будкма, как крыс. Вскоре после этого усилился ветер, и весь остров окутался пламенем.

Будума перевозит скот по озеру на каное

Это было сигналом для множества грифов, которые появились в небе и парили кружась, как будто помогали нам в поисках. Но никаких следов воров мы не обнаружили, пока я случайно не наткнулся на отпечатки их ног в грязи в месте, где мы высадились на остров. Все мы были поражены, потому что это свидетельствовало о том, что два юных будума пробежали по грязи там, где наши люди вчера пробира-

лись погружаясь по грудь в ил. Потеря проводников не имела для нас большого значения, поскольку они оказались дикими и испуганными, и мы не могли получить от них никакой информации о нашем местонахождении. Мы долго не тянули со временем, загрузили лодки и были готовы идти вперед. Осматривая восточный горизонт, я увидел двух всадников примерно в милях от нас. Это могло быть не что иное, как восточный берег, так что мы практически пересекли озеро! Но было невозможно высадиться на берег, поскольку обширная грязевая бухта, усеянная небольшими островами, лежала между нами и твердой землей. Для меня было большим сюрпризом узнать, что пересечение было выполнено переходом всего в тридцать миль, так как карта, имевшаяся у меня, показывала ширину озера в этом месте, по меньшей мере, в шестьдесят миль.

Мы повернули назад по пройденному уже маршруту, и все утро 1 марта было потрачено на то, чтобы тащить лодки через грязь и отмели, которые мы форсировали предыдущим вечером. Около полудня, когда лодки снова оказались на глубине в 2 фута, мы отправились на юго-восток, обогнув пояс бесчисленных островов и мелких бухт, которые закрывали восточный берег. Таким образом, мы путешествовали в течение двух дней в очень медленном темпе и без особых инцидентов. Средняя глубина воды составляла 2 фута, а иногда грязь уступала место жесткому дну.

Во второй половине дня, огибая небольшой остров, мы

наткнулись на каноэ. Наше появление было настолько внезапным, что у туземцев не было времени убежать. Их было трое, мужчин и женщина с ребенком. Они были типичными будума северной части озера, которые являются совершенно дикими, пришедшими на озеро из страны на северо-западе от Канемы. У них нет племен, они бродят по озеру в составе семей или небольших групп. Это вымирающий народ, причиной чего являются постоянные близкородственные браки. Эта же причина, несомненно, объясняла замечательное сходство всех этих будума, которых я видел. Каноэ этих дикарей было намного больше, чем я видел раньше, и, казалось, содержало все их имущество. Здесь были пучки сетей, два запасных шеста, несколько почерневших варочных котлов для рыбы, которые были их единственной посудой, а также ряд странных предметов, включая зубы бегемота для соскабливания рыбы, и рулоны черного табака, который все будума жуют постоянно.

Буксировка лодок по грязи

У них были грубые черты лица, смотрели они враждебно, и выглядели отвратительными, пока не встали на ноги и вызвали восхищение прекрасным развитием грудных мышц и рук. Женщина носила на голове кусок синей ткани, как защиту от солнца. Ребенок (мальчик) был сильно перепуган и не решался даже посмотреть на нас. Я позвал в Кавассо, чтобы он принес мне горсть больших синих бусин, а затем знаками объяснил матери, что отдаю их ее ребенку. Не знаю, думала ли она, что я хочу его купить, но она взяла бисер и презрительно бросила его в воду.

В то же время эта встреча оказалась для нас удачной, по-

скольку нам удалось уговорить мужчину быть нашим проводником. К вечеру мы добрались до самого большого острова из тех, которые нам до этого встречались. Наш новый проводник сказал, что остров называется Кагерерум. Он был полторы мили в длину и милю в ширину. Его берега были из песка, с короткой сухой травой, которая резко контрастировала с темно-зелеными камышами в воде у берега. В центре острова был ряд небольших тростниковых хижин, похожих на стога сена. Мы обнаружили, что хижины пустынные, но были свидетельства того, что в последнее время здесь находились стада скота, потому что мягкая земля была изрезана сотнями следов раздвоенных копыт. Эти острова (как и многие вдоль восточного берега) связаны с материком бродами, где дно является твердым, и стада могут по нему пройти.

Будума с женой и ребенком

Тонкого ограждения из тростника вполне достаточно, чтобы животные не блуждали по берегу острова. Будума выгоняют свой скот на эти острова, либо для безопасности от нападения, либо когда истощаются другие пастбища.

На следующее утро мы покинули Кагерерум и отправились в западном направлении продвинувшись, примерно, на четыре мили, после чего безнадежно застряли и вынуждены были перетаскивать лодки на 1200 ярдов на небольшой остров под названием Воллам. За островом мы снова обна-

ружили жесткое дно и течение в юго-восточном направлении со скоростью одна миля в час. Это удивило нас, потому что мы никогда не замечали раньше течения на озере. Это могло быть вызвано только возвратом воды из полей грязи при стихании ветра. Ночью наш друг будума исчез, поэтому утром мы организовали охоту на человека.

В конце концов он был найден лежащим на животе в тростниковом болоте на другом конце острова. Его обнаружением мы обязаны коршуну, который завис над его укрытием, что привлекло наше внимание. После этого он повел себя очень плохо, сидел угрюмо и молчал, отказываясь отвечать на любые вопросы. «Бои» вначале относились к нему хорошо, но когда обнаружили, что он не отвечал на их дружеские любии, они устали от него и всегда, когда нужно было лезть в грязь (а это случалось все чаще и чаще), он был первым, кого отправляли за борт, чтобы возглавить буксирную команду.

Будума имел странный вид, когда бросался вперед, его черное блестящее тело, маленькая голова и длинные руки на расстоянии придавали ему сходство с гигантским пауком. Когда он однажды застрял и барахтался в черной грязи погружаясь, сначала по колено, затем по пояс, а затем по шею, мои «бои» залились дружным смехом. Я считаю, что негодяям понравилось, если бы будума утонул совсем, потому что они начали думать, что его мстительный дух намеренно ведет нас в худшие места. Он был бесполезным для нас чело-

веком, и я начал сожалеть о том, что мы его взяли. У него были те, кого надо кормить, а он не смог заработать, не дав нам никакой информации взамен. Однажды, после того как он продолжал хранить молчание, я попробовал план отправить его спать без ужина.

Сначала это, казалось, подействовало, он заговорил и сообщил моему старосте, что поведет нас на следующий день на остров, где был большое селение будума с большим количеством людей и крупного рогатого скота, и он подтвердил свою речь, указав определенное направление. Но когда настал следующий день, и его желудок был заполнен, мили грязелечения не приблизили нас к обещанному селению.

В течение следующих восьми дней мы пробирались через сеть островов, через обширные бухты, ограниченные широкими болотами со всех сторон, постоянно надеясь найти место для высадки.

Везде, где вода, казалось, давала проход, мы предпринимали попытку добраться до берега, иногда продвигаясь на милю в нужном направлении, но только для того, чтобы быть вынужденными с трудом возвращаться на наше прежнее место, повторить попытку в другом месте и потерпеть неудачу. Наши трудности были увеличены тем, что в этот сезон сильный ветер постоянно дул с востока и, без сомнения, угнал воду на запад. Ветер усиливался каждый день в семь часов утра, а к полудню солнце скрывалось в густом влажно тумане, через который мы должны были нащупывать наш

путь. Так быстро и странно вода озера под воздействием ветра перемещалась от берега к берегу, что однажды утром мы обнаружили, что вода ушла, оставив огромных рыб, застрявших на отмели. Некоторые из них были длиной 4 фута.

Остров Кагерерум

Вряд ли я смогу описать разочарования всех этих дней, наши поражения и бессонные ночи отчаяния, когда ни один остров не мог быть достигнут из-за грязи, и мы были вынуждены лежать в переполненных лодках. Я мог бы рассказать о столах и проклятиях людей и их жалких воплях, поскольку всю ночь нас атаковали орды mosquitos. Поэтому, я не бу-

ду останавливаться на этой части наших испытаний. В конце концов, лишения и безнадежность усилий подорвали нашу энергию и стали проявляться первые признаки пассивного мятежа. Затем закончились еда и дрова, и нам ничего не оставалось, кроме как вернуться в Йо.

Мы прибыли туда 16 марта, за все время путешествия разбив на островах 19 лагерей. Я чувствовал разочарование из-за бесплодности наших попыток высадиться на восточном берегу; но в конце концов, был накоплен большой опыт и некоторые знания, которые теперь были воплощены на карте озера.

Первое, что нужно было сделать, – отправить сюда из Боссо больше провианта, поэтому мы остались на два дня на знакомом острове. Кроме того, необходимо было дать людям отдохнуть. На следующий день после нашего приезда мой бой-оруженосец дезертировал. Его видели, когда он покинул лагерь со всей своей одеждой, на вопросы он отвечал, что идет на реку, чтобы помыться и постирать, и мы больше его не видели.

Он был одним из зачинщиков недавнего недовольства и его следовало бы выпороть за неповиновение. Прощение негров после совершения проступка – большая ошибка, потому что они не понимают этого и принимают милосердие за слабость. Есть четыре способа их наказания: порка, штраф, сокращение пайка или «арест в полевых условиях». Первый является лучшим в каждом случае нарушения дис-

циплины, но он должен назначаться только после тщательного расследования фактов, поскольку негр болезненно воспринимает ошибку судебного разбирательства. Но там, где наказание справедливо, он легко переносит порку.

Порка в начале экспедиции часто приносит большую пользу общей дисциплине в партии, чем что-либо еще, поскольку она будет действовать, как полезный сдерживающий фактор. Поговорка – «дайте ему палец и он откусит всю руку!», хорошо применима к туземцу, и это очень заметно в отношениях негров с белым человеком, новичком в стране, которого все «бои» готовы испытать на покладистость и слабохарактерность с самого начала. Что касается штрафов, то сомнительно, чтобы они имели большой эффект в караване, поскольку, заработная плата носильщикам и эскорту всегда выплачивается по окончании «контракта», и негр, живущий сегодняшним днем, не чувствует наказания, которое его постигнет когда-нибудь при окончательном расчете. Еще одно возражение против штрафов заключается в том, что туземцы подозревают, что белый человек пытается заработать на них деньги, присваивая их штрафы. Конечно, это можно оспорить, выбросив на глазах туземца штраф, который тот заплатил. Однажды один правительственный чиновник, которого я встретил на Бенуэ, оштрафовал своего «боя» на десять шиллингов и немедленно выбросил деньги в воду. Это имело последствием то, что он был почти открыто высмеян неграми, как кретин, который выбрасывает деньги.

Еще одно действенное – это «арест в полевых условиях». Наказание должно производиться на глазах всего лагеря, а еще лучше, в общественном месте. Виновнику в этом случае приходится сталкиваться с насмешками толпы, испытание, которое негр ненавидит больше всего на свете. Наказать черного человека через его желудок, также является хорошим сдерживающим фактором, но на марше это трудно осуществить, поскольку у провинившегося обычно есть друзья в лагере, которые поделятся с ним своим пайком. Из этих рассуждений нельзя полагать, что наказания являются обычным явлением. Если белый человек проявляет внимание и удовлетворяет основные потребности своих работников и слуг, то нарушения будут редкими. Пока живот черного человека набит пищей, он будет выполнять свою работу весело и хорошо. Здесь я упомяну мудрый обычай демонстрировать свою признательность туземцу, когда он выполняет какое-то задание особенно хорошо. Для подобной «демонстрации» достаточно дать негру дополнительный пищевой паек. Такой «подарок» долго помнится туземцами, которые смотрят на дающего как на «большого человека» и на хорошего хозяина.

Два дня в лагере на острове у устья реки воспринимались, как праздники. Обилие рыбы и перспектива получения большего количества пищи из Боссо подняли настроение «боев», и прошлые неприятности были забыты. Вскоре лагерь наполнился смехом и весельем, и все радовались, купаясь и ныряя

в воду. В это время дул сильный ветер, поэтому по ночам почти не было moskitov.

Прямо за пределами нашего лагеря, в заливе, собралось очень большое количество каноэ будума. Некоторые из их старейшин подходили ко мне и жаловались, что они были изгнаны с севера французами – возможно, за их прошлые грехи в сотрудничестве с тубу, с которым французы воевали. Они попросили о моей защите и хотели, чтобы я показал им именно те места, где начиналась британская часть озера, чтобы они могли там обосноваться, не подвергаться преследованию.

19 марта мы готовились к маршу в наш старый лагерь в Каддае. Примерно в восемь часов утра поднялся сильный ветер с севера, так что паруса были развернуты, и мы полетели мимо островов и поросших тростником мысов. Озеро стало напоминать бурное море, и время от времени мы черпали бортами воду, что очень веселило «боев». Это проявление нрава озера было для нас новым, но из-за его недостаточной глубины волны не могут достигать больших размеров. В ту ночь мы не смогли добраться до Каддая, поэтому расположились на заболоченном мысе. Здесь дезертировал еще один из моих лодочников, который сократил число «шестовиков» до восьми. Я слышал потом, что этот человек пришел в Кукаву и распространял самые ужасные слухи о нашем путешествии на озере – что многие люди умерли от голода, а другие были потеряны, увязнув в глубокой грязи. На следу-

ющее утро мы добрались до Каддая, и, увидев знакомые травяные хижины, «бои» криками воздали благодарность своим духам, но вскоре их постигло разочарование, когда они услышали, как я рассказываю Хосе, что должен снова отправиться в озеро и пройти тем же курсом, что и в первом путешествии, которое я совершил с Талботом, поскольку я все еще надеялся найти фарватер в этом направлении.

ГЛАВА XX. ИССЛЕДОВАНИЕ ОЗЕРА ЧАД

Широкие тростниковые пояса на юге лежали на горизонте туманной полосой. Это был барьер, который остановил нас раньше, но я все еще надеялся, что мы найдем проход, тщательно проверив каждый уголок. Итак, мы пошли курсом нашего прежнего рейса, придерживаясь линии тростника. Пройдя около четырех миль столкнулись с той же проблемой недостаточной глубины воды для прохода лодок, и день был потрачен на неэффективные попытки проползти через илистые поля вокруг тростниковых поясов. Поэтому я решил еще раз попытаться прорезать проход через них на следующий день. Для этой работы необходимо было облегчить одну из лодок, и я набросал план строительства площадки на воде с помощью столбов и досок. На этой импровизированной платформе мы собрали все наши вещи и поставили перед ними охрану – довольно комичную группу людей посреди озера!

Разгрузка лодки послужила еще одной полезной цели – дать нам больше места в лодке ночью, потому что здесь не было островов с сухой почвой, и нам пришлось спать на лодках. Мы упорно работали на вырубке тростника в течение двух дней и проникли вглубь на расстояние 800 ярдов.

Я прошел в воде еще милю, но до сих пор не мог видеть конца камышовых полей. Глубоко в зарослях тишина была настолько глубока, что меня поразили шум моих собственных шагов, когда я пробирался через камыши.

Однажды, когда «бои» занимались рубкой камыша, они сделали странное открытие на нашем пути. Под поверхностью воды были обнаружены останки лодки, которую они сразу же определили, как принадлежавшую белому человеку, и они были правы. Лодка была сделана из дуба и ее длина была около 8 футов. Она, должно быть, лежала на этом месте в течение многих лет.

Я могу только предположить, что это была лодка, которую исследователь Овервег, как известно, притащил сюда более пятидесяти лет назад во время его путешествия с доктором Бартом. Овервег умер в Мадуари, городе канембу возле Н'Горну. Место его захоронения невозможно найти; Гослинг произвел тщательные поиски, но ничего не смог узнать от туземцев.

23 марта с отобранной командой из шести человек, и, взяв только предметы первой необходимости, я отправился на одной из лодок на северо-восток. Лодка теперь имела осадку всего 9 дюймов, и нам удалось проскользнуть еще на три мили, хотя мужчинам часто приходилось выбираться и тянуть лодку на большие расстояния. В одном из этих случаев наш старый друг будума, присутствие которого мы в последнее время совершенно игнорировали, подозрительно отстал

от нас, а в следующий момент исчез настолько волшебным образом, что все «бои» заявили, что он отправился в свой дом под воду. Мы расположились лагерем на большом островном мысе, где были свидетельства того, что люди будума недавно высаживались здесь потому, что кучи тростника были нарезаны, и их оставили сушить для строительства каноэ.

Это была земля Хес на северо-востоке от Каддая и на расстоянии, примерно, в десять миль. Эта суша была связана с западным берегом по болотам, которые я только что обогнул и, на мой взгляд, образовала полуостров от восточного берега озера. Это подтверждалось тем фактом, что здесь я встретил болотного козла, который вряд ли мог бы пройти с западной стороны озера через тростниковые пояса. Поэтому я заключил, что озеро в этом месте не более десяти миль в ширину и разделено на северную и южную части большими барьерами тростника. С этого момента я продолжал двигаться примерно на 17 миль в северо-восточном направлении. На моем пути встречались небольшие острова, а справа лежали бухты и мысы тростника, которые, без сомнения, составляют часть восточного берега.

К концу путешествия мы встретили большой рыболовный флот будума. Желание получить хотя бы некоторую информацию об озере все еще было в моем сознании, поэтому мы направились в их сторону. Сначала они приняли нас за других будума, потому что в ярких бликах на воде наша лодка без мачты и паруса на расстоянии выглядела очень похожей

на два каноэ будума, движущихся сочлененно вместе, как это часто бывает. Будума привыкли грабить друг друга, когда они получали шанс, и, очевидно, они считали нас легкой добычей, потому что они ускоренно направились к нам, чтобы атаковать. Но вскоре дикари поняли свою ошибку, и роли переменялись.

Их охватила паника, и, прежде чем мы смогли приблизиться, многие каноэ вспыхнули огнем, а сами будума нырнули под воду, как выдры, и исчезли в камышах. Похоже, что их рыбалка прошлой ночью была очень удачной потому, что на склоне берега соседнего острова мы обнаружили огромную кучу рыбы, высотой около 4 футов, их серебристые тела блестели на солнце. Каноэ были завалены сушеной рыбой, а под соломенными матами в их днищах мы обнаружили четырех спрятанных мальчиков-рабов, жертв работорговли между будума и тубу. Они были в жалком состоянии, рассказывая о голоде и нанесении шрамов – знаков раба. Мы взяли их с собой и отпустили в Каддае. Знаки раба будума состоят из многочисленных небольших разрезов на животе, груди и верхней части лба; после того, как разрезы были сделаны, они прижигаются красными углями.

Будумы известны своим участием в работорговле. Тубу и моббуры являются их главными соучастниками, продавая им мальчиков за таллеры, которые будума получают за свою сушеную рыбу на рынках Борну.

«Они приблизились, готовые атаковать»

Из-за их скрытного существования и таинственного окружения люди Борну относятся к этим обитателям озера, как к сверхъестественным и страшным существам. Их убежища на островах среди лабиринтов тростника весьма безопасны, о них почти никто не знает. Даже великие завоеватели, Рабех и Фадерелла (см. первый том), покорившие все окружающие племена, оставили будума в покое. Тайна, которая обволакивает будума, обросла множеством странных басен. Матери говорят своим непослушным детям, что будут продавать их

будумам, которые, как полагают, живут под водой и которые, как говорят, поклоняются духу озера в виде большой водяной змеи, которая здесь живет.

Теперь я отказался от третьей попытки найти проход через тростниковые пояса к устью реки Шари и 31 марта снова вернулся в Каддай. В полумиле от берега мы обнаружили, что вода полностью исчезла. Поскольку было уже поздно, и мы были слишком измучены, чтобы попытаться перетаскать лодки через грязь, туземцы уснули в лодках, а моя кровать была поставлена на 6 дюймов над водой, то есть, той ночью я спал на дне озера. Утром вода поднялась и, прежде чем я успел встать с постели, вода затопила мое ложе. Ветер теперь дул в нужном направлении и, подождав два часа, мы получили достаточную глубину, чтобы плыть.

С чувством тревоги я осмотрел пустынный лагерь, с которым месяц назад мы думали, что попрощались навсегда. Моя неудача заставила меня опасаться за будущее, и моя депрессия усилилась одиночеством. Здесь не было никаких признаков человеческой души, а хижины рухнули. Все изменилось, кроме озера, которое лежало спокойно и тихо, отказываясь, как сфинкс, выдать свои тайны. Прошло больше месяца, и Гослинг, должно быть, уже давно добрался до реки Шари, в то время, как я находился там, где и начал. Хуже того, мои магазины были почти исчерпаны, а дезертирство и болезни в моей партии оставили меня с семьей мужчинами и двумя лодками. Я знал, что не смогу получить никакой

внешней помощи. Хосе потратил следующие два дня, разбирая лодки на части, а я отправился к береговой линии на юг и исследовал каждый уголок в поисках надежды на выход. Везде был только ил, непроходимый для лодок. Лодки надо было разобрать и перенести в место, где была чистая вода. Но как ее найти? Я слышал, что рядом с рыбным рынком будума была открытая вода, это место называли Кова-Бага или Сеюрум. Но как далеко этот рынок был от Каддая, я не знал. Поход на пятнадцать миль привел меня в старый лагерь, который мы с Талботом построили на нашем пути из Ковы. Я понял, что это расстояние слишком велико для того, чтобы перетащить сюда секции хотя бы одной лодки из Каддая, имея в своем распоряжении так мало людей. Дразнило то, что старый лагерь был подходящим местом, из которого я мог бы на лодке добраться до Ковы, чтобы получить припасы. Перспектива была мрачной. Для перемещения частей лодок в одном переходе потребуется не менее сорока человек, возможно, больше, так как работа стала более трудной из-за отсутствия дороги по грубой земле и болоту. Требовались опытные носильщики для переноски секций, а из моих семи человек я мог полагаться только на пятерых. Всего было двенадцать секций; кормовую и носовую секции обычно несли по два человека, остальные секции – по четыре человека на единицу. Таким образом, я с тревогой подсчитал, что мне потребуется не менее трех недель с пятью мужчинами в моем распоряжении, чтобы переместить лодки в этот ла-

герь, не говоря уже о переноске багажа.

Я вернулся в Каддай в тот же вечер, очень уставший, и мое настроение быстро заметили «бои». Хосе до сих пор разбирал лодки на куски, и ему нужно было снести крыши домов, чтобы использовать их стойки в качестве жердей, с помощью которых можно было нести секции лодок. На следующий день я привел свою маленькую колонну в движение, и с помощью Хосе «боям» удалось перенести две секции (маленькую и большую). Поскольку они не были привычными к работе в качестве носильщиков, нам потребовалось два дня вместо одного, чтобы добраться до нового лагеря. Затем Хосе вернулся с «боями» в Каддай, чтобы подготовиться к еще одному путешествию, а я уехал в Кову и Кукаву, надеясь, что смогу получить хоть какую-то помощь. Я взял с собой верного Лоуи (помощника повара), который нес небольшой мешок с едой, мою походную кровать, чайник, и несколько мелких предметов для торговли. По прибытии в Кову «лован» (начальник района Кова) пришел ко мне, но наотрез отказался дать мне мужчин и волов для поездки из Каддая в Кова-Багу. Он все еще был зол за тяжелый штраф, наложенный на него английским резидентом в Борну, и приписал всю вину за свое несчастье тому, кто сообщил резиденту о вымогательстве «лована» в Йо, то есть мне, как я уже говорил в предыдущей главе.

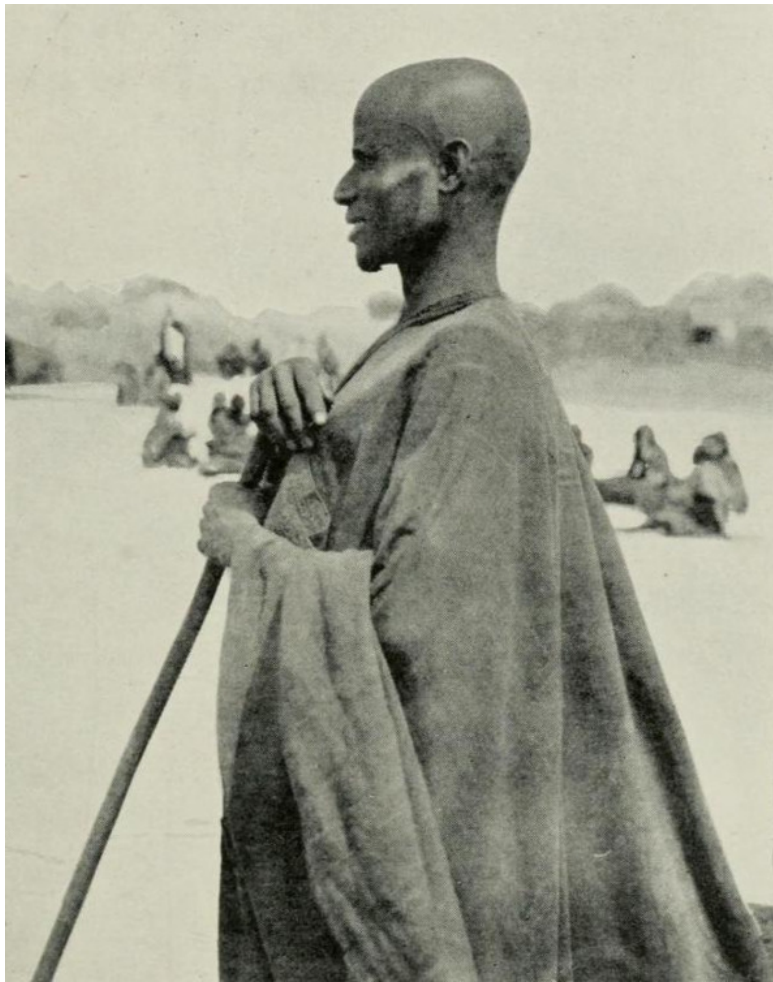
Кроме того, теперь я был только пылью в его глазах и глазах его народа. Я больше не был «большим человеком», по-

тому что неслыханно, чтобы белый путешествовал по этой стране только с одним слугой и ел пищу черного человека.

После взятки он расслабился и сказал, что даст мне быков, если я уговорю резидента отменить наложенный на «лована» штраф. В качестве последнего шанса я вытащил лезвие меча и кусок японского шелка. При виде первого, его глаза засияли, и он дрогнул, но в следующий момент его грубое лицо опять приняло выражение равнодушия. «Я не позволю своим людям дать вам быков. Я уйду», – сказал он и поспешно ушел.

На следующее утро я отправился в Кукаву, но меня ждало разочарование – мой старый друг, шеху (шейх Кукавы), был вызван резидентом в Майфони. Его брат Шеф Суннда, незнакомый мне, замещал шейха. Суннда подарил мне гнилое яйцо страуса, что не помогло мне решить мои трудности, и я немедленно отдал его назад с требованием снабдить меня провизией. Через некоторое время Суннда явился сам, принес птицу, несколько яиц и кукурузу. Но в этот момент подъехал всадник и вручил ему письмо. Это было самым драматичным совпадением, потому что, сразу по прочтению он приказал своим рабам оставить принесенное и ушел. Такое отношение местной власти ко мне обещала также плохое обращение и со стороны людей. И мои опасения оправдались. На рынке я не мог нанять никого в качестве носильщиков, женщины отказывались молоть кукурузу, которую я купил. Повсюду я обнаружил, следствие распространено-

го слуха, что я был уже «не англичанин» и «нехороший человек». Это объяснялось рассказами дезертира об ужасах на озере. Никто не доверял мне, и теперь, когда они видели, что я в расстроенном состоянии и разорванной одежде тащусь пешком, покинутый всеми, кроме одного слуги, и нет у меня свиты, которая никогда раньше не насчитывала меньше двадцати человек – не было ли это справедливой причиной проявлять по отношению ко мне враждебность? Если бы я сказал, что все были моими врагами, это было бы не вполне справедливо. Здесь у меня оставался один верный друг, старый шуа, который когда-то, в мои лучшие дни, привел мне теленка, и теперь благородно перед глазами всех на рынке подошел ко мне и потряс мою руку, предлагая отвезти в Каддай сумку с кукурузой, которую я только что купил. Я с радостью принял его предложение, и он привел своего вола к соломенной хижине, где я жил за пределами дворца.

Дружелюбный шуа

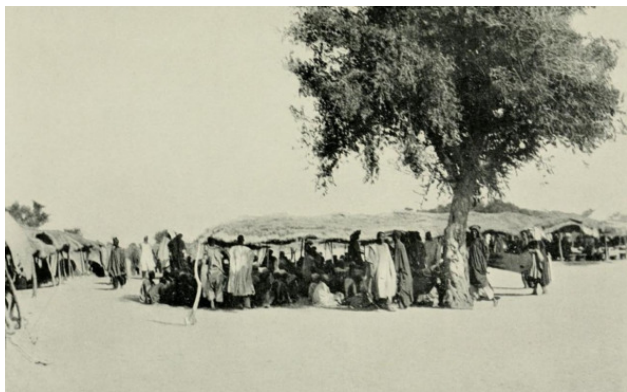
Был час молитвы; и все подонки местного общества, которые не ушли с шеху, собрались вокруг двери мечети. Их сплетни множились, когда они видели, как я сижу у своей хижины со старым шуа и его привязанным к столбу волом. Сначала я относился к ним с легким презрением, но со временем почувствовал, что их разговор становится более угрожающим. В настоящее время они «бросали стрелы» в старого шуа, затем начали угрожать, все громче и сердитей, до тех пор, пока наконец несколько хулиганов не прогнали старика и его вола по улице. Тогда Лоуи, верный и храбрый, решил сражаться, и я с трудом удержал его.

Никогда еще мои перспективы не выглядели более черными, чем в ту ночь, когда я лежал без сна, глядя в небо. Сон, тоже, казалось, совершенно покинули меня, и мой ум упорно трудился, чтобы найти путь избавления от неприятностей, которые подстерегали меня. Ночь была звездной, и ни один звук не мешал неподвижному воздуху, сохраняя приглушенные голоса дворцовых стражников, разговор которых становился все более ленивым, перешел на отдельные редкие фразы, а затем вообще затих, и все погрузилось в глубокое молчание. Ранним утром благотворительность в облике девушки пришла ко мне, принесла свежее молоко и яйца. Я был рад ее видеть. Это был Фатума, бывшая рабыня, которую мой брат освободил от керри-керри, а я вернул ее к родителям в Кукаве несколько месяцев назад.

Фатума

К двенадцати часам, когда торговля на рынке была в самом разгаре, я спустился и купил на мои последние деньги вола, чтобы довезти мое зерно до Каддая. Это была дорогая покупка, потому что хозяин, зная мои трудности, требовал очень большую цену. Рано утром на следующий день я стряхнул с моих ног пыль негостеприимной Кукавы и стал погонщиком вола, а Лоуи, нес мои вещи. После пыльного марша по жаре в двадцать миль, я прибыл в Каддай. Когда я все еще находился в пути, я был рад увидеть, как мои «бои» вышли, чтобы поприветствовать меня. В течение нескольких дней они жили на полуострове, поэтому их лица просветлели, когда они увидели быка с полным мешком кукурузы.

Рынок в Кукаве

Хотя я не выполнил свою задачу, не сумев нанять носильщиков для лодок, я не чувствовал, что мое путешествие было напрасным, потому что, у меня теперь была провизия на две недели для моих «боев» и вол, который не мог нести лодку, но выполнял работу трех человек, когда дело доходило до переноски ящиков. Но, увы, мои надежды скоро были разрушены, смертоносная змея укусила моего быка, и его туша стала объектом для пира моих «боев».

Наступило 10 апреля, и пять секций лодок уже были доставлены в новый лагерь, а еще через две недели последняя из них покинула Каддай. Это было тревожное время, так как никто не знал, что принесет следующий день. Всегда был страх дезертирства и болезней, но, к счастью, мы были в стране, где водилась дичь, и иногда я мог добывать мясо, что поддерживало носильщиков в хорошем настроении. Пока я руководил новым лагерем, Хосе оставался в Каддае, и мы держали носильщиков на линии между нами. Каждые два дня я ожидал, что прибудет очередная секция, и мой маленький лагерь принял вид судостроительного дока, так как количество секций росло. Когда приходило расчетное время, я с нетерпением всматривался в горизонт, стремясь увидеть странный объект из четырех мужчин с секцией на плечах. Даже одинокий водяной козел остановился и удивленно смотрел на это зрелище.

В это время у меня не было недостатка в еде. Двое добрых старых пастухов канембу приходили каждое утро с подарка-

ми козьего молока, из-за которого моя кукурузная каша была очень вкусной, и иногда мясо дополняло мой обед.

Кавассо носил за мной бутылку, наполненную холодным чаем, и я каждый день совершал экскурсии на юг в поисках открытой воды. Наконец, я был вознагражден видом прекрасного пространства. Это была вода примерно в 800 ярдах от меня, где я увидел группу рыбаков, которые чинили свои сети. Меня охватило величайшее волнение, когда я понял, что утомительные дни моих поисков закончились, и моя борьба не была напрасной. Я не осмелился приблизиться, опасаясь побеспокоить будума, и повернулся, чтобы пойти назад, счастливый от сознания разгадки драгоценной тайны. Пройдя на расстояние, где я уже не мог быть замеченным, я ускорил шаг, и пробирался обратно по темным тростниковым поясам и смеялся потому что их ужасы для меня закончились. Тайна заключалась в том, что озеро Чад не является единым бассейном, а состоит из двух частей, северной и южной, которые отделены друг от друга мощной илисто-грязевой перемычкой, обильно поросшей тростником и водяными кустами. Мы безуспешно пытались пробиться на юг через эту перемычку, но решение задачи состояло в том, чтобы перетащить лодки и снабжение по берегу, обходя преграду по суше. Как только мы увидим при движении на юг открытую воду, это будет значить, что перемычка осталась позади, и мы снова сможем плыть по воде.

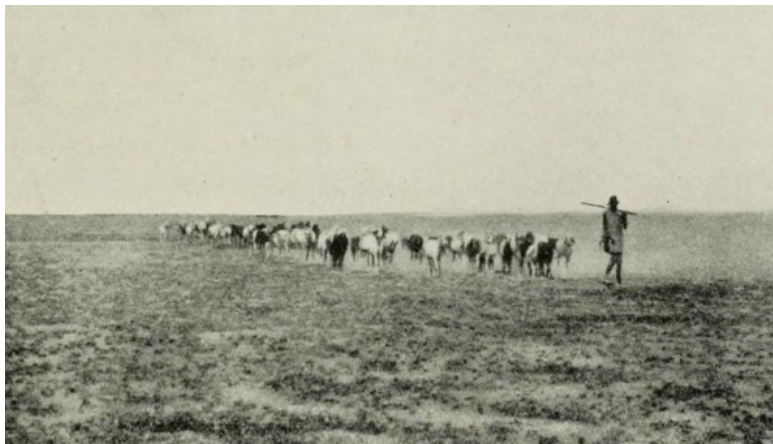
По прибытии в лагерь меня расстроило то, что один из но-

сильщиков пришел без груза – очень важного для нас – якорей для лодок. Он сказал, что его атаковал слон, поэтому негр уронил груз и побежал в темноте в лагерь. На следующий день был организован тщательный поиск в высокой траве, но якорей найти не удалось. Тем временем негр, опасаясь наказания, убежал. Потеря была для меня большим ударом и сильно подпортила радость, которую я испытал накануне.

Когда все секции прибыли в лагерь, я оставил их, чтобы позаботиться о себе и вернулся в Каддай, поскольку необходимо было организовать еще одно путешествие в поисках провианта для «боев», которые проделали великую работу и продемонстрировали большую преданность мне. Они были полностью утомлены, и отдых на несколько дней был обязательным, поэтому я остался в Каддае, а Хосе отправился в Йо, чтобы найти еду и, если возможно, нанять несколько волов с помощью качеллы для перевозки нашего багажа. Но, опять не повезло, качелла отсутствовал, преследуя тубу.

Рынок Йо находится примерно на полпути между Йо и Боссо, на правом берегу реки. Большинство рынков в этой части Борну организуются на некотором расстоянии от города, что отчасти, делает их более важными для соседних деревень, а отчасти потому, что люди не хотят видеть у своих домов чужаков и жуликов, которых всегда привлекает рынок. Рынок Йо – большой. Он проводится один раз в неделю и привлекает людей из двадцати трех городов и деревень, пять из которых находятся к северу от реки, а остальные

на юге, включая Йо, Арреги, Кукаву и многие другие селения канури и моббуров. Сам рынок – живописное зрелище. К девяти часам утра люди с волами и ослами, несущими их товары, начинают вливаться на территорию со всех сторон, а женщины несут свои грузы на голове. Туземцы с северного берега плывут через реку, помещая свои вещи в большие калёбасы, которые они толкают перед собой, а скот, который они продают, плывет с ними. К полудню все уже на месте, и торговля в самом разгаре, людей насчитывается до 1500 человек. Продавцы сидят кругами, с товарами, разложенными перед ними. Все приходят вооруженными, опасаясь тубу, и теперь каждая маленькая группа втыкает свои копья в землю остриями вверх, и рынок принимает вид леса из копий.

Пастух на озере Чад ведет свое стадо

Если товары не обмениваются друг на друга, используют английские деньги. Мелкая лошадь стоит от 2-х до 3-х фунтов стерлингов; вол от 1 фунта 10 шиллингов до 3 фунтов; осел от 15 шиллингов до одного фунта; овца от одного шиллинга шести пенсов до 3 шиллингов. Козы идут по одному шиллингу, а 200 фунтов (90 кг) зерен проса можно купить за 4 шиллинга. Помимо всего прочего, есть масса сушеной рыбы, которую моббуры покупают у будума и выходят с ней на рынок. Есть также лук, соль, поташ, корзины, кастрюли, кожаные изделия, ткань хлопок и пшеница. К трем часам рынок начинает расходиться, а вечером совершаются многочисленные преступления со стороны тубу и моббуров против людей, возвращающихся домой. Однако, многие, приехавшие издалека, предпочитают останавливаться на ночь возле рынка, возвращаясь домой на следующий день.

Рынок в Йо

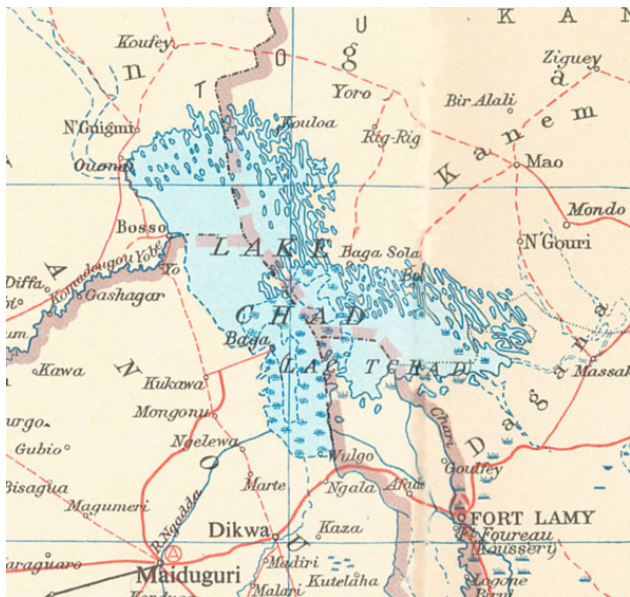
В тот день, когда Хосе был на рынке, пытаясь нанять волов, он стал свидетелем рейда тубу. Он сидел под деревом в стороне от толпы, когда внезапно раздался крик «тубу, тубу!». В одно мгновение на рынке началась паника, и люди побежали во всех направлениях.

Стойки были опрокинуты, а товары упали на землю. Воздух был наполнен грохотом посуды, криками и проклятиями мужчин и плачем женщин и детей, многие из которых упали во время бегства и были растоптаны. Затем, в разгар паники в толпу врезалась группа из примерно сотни всадников тубу. Они скакали прямо сквозь группы разбегающихся людей. Всадники одним движением подбрасывали свои копыя в воздух, тут же ловили их и метали в спину убегающей жертвы.

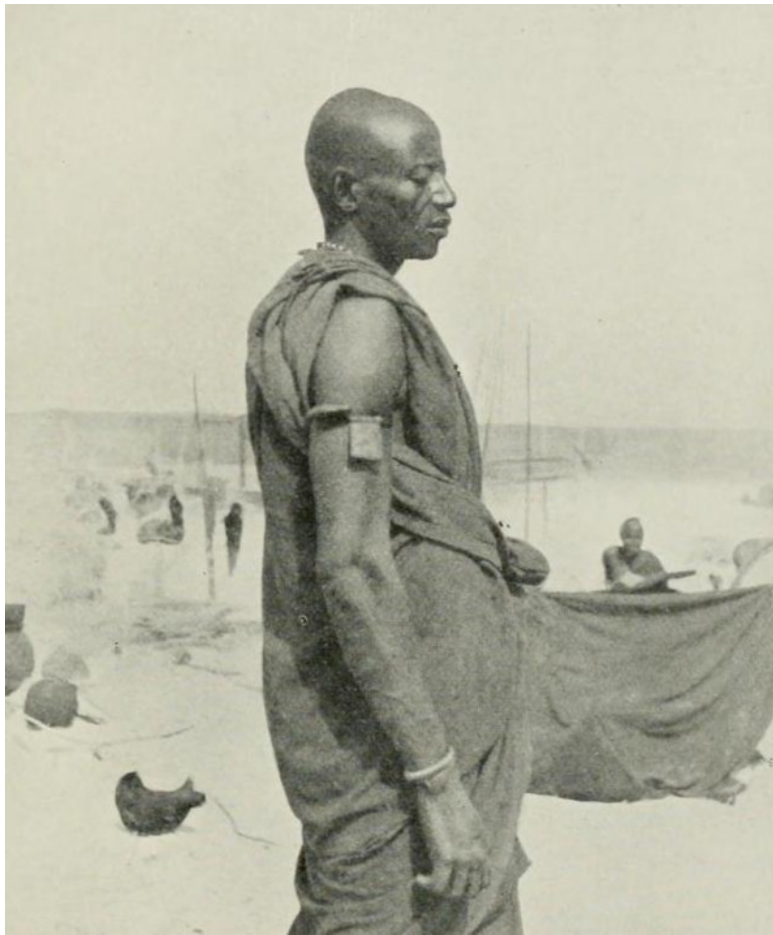
Женщина народности моббур

Тем временем, их союзники, моббуры, которые ранее приценивались к лошадям и скоту, разрезали привязи животных и угоняли их на фоне общей путаницы. Сообщалось, что восемь или девять человек были убиты в ходе этого рейда, но Хосе насчитал жертв больше.

27 апреля Хосе вернулся в Каддай, но вид всего одного приобретенного вола, несущего кукурузу, был не очень обнадеживающим. Там было еще около двадцати поклаж, которые мы должны были отправить из Каддая, кроме секций из лагеря лодок в Кова-Баге на берегу озера Чад, и я снова погрузился в размышления об утомительных путешествиях туда и обратно. Однако Фортуна широко улыбнулась нам, и на следующий день произошло чудо. В середине дня мы увидели большое облако пыли в двух милях к югу. Сначала мы думали, что это были всадники, но через несколько ми-

нут из облака появилась темная, медленно движущаяся масса, которая с помощью бинокля была определена, как стадо волов с погонщиками. Сначала я не мог понять, что для нас это была удача. Затем внезапно меня осенила идея, и я решил, во что бы то ни стало, украсть этот скот. Через минуту все мы спрятались за хижины, и лагерь снова принял пустынный вид. Стадо приближалось, и погонщики не подозревали о ловушке. Когда они подошли, Хосе с несколькими «боями» выскочил из засады, что было для погонщиков неожиданностью, и захват был осуществлен без особых трудностей. Старший погонщик, которого привели ко мне, сказал, что они были канембу, подвластными моему старому врагу, «ловану» Ковы, и пришли сюда, чтобы добыть поташ в окрестностях. Я потребовал, чтобы его люди и волы в течение следующих двух дней переносили мой багаж в Кова-Багу, а после этого они могли уйти. Я добавил, что заплачу хорошей тканью, которую я ему показал. На этом сделка была заключена.

Будума в Кова-Бага

Я чувствовал, что Фортуна преподнесла нам необычный

дар, и эта ночь в лагере была радостной. Людям было приготовлено дополнительное блюдо, и были разведены большие костры, вокруг которых сидели хауса и канембу, занятые веселыми разговорами и смехом.

На следующее утро мы навсегда попрощались с Каддаем и вечером пришли в лагерь лодок без задержек. Но к концу нашего марша нас встретили два всадника из Ковы, которых, очевидно, отправили посмотреть, что происходит. Они ускатали почти сразу, после некоторого разговора с канембу на повышенных тонах.

Канембу выглядели очень расстроенными, а их староста подошел ко мне и попросил меня немедленно идти к Баге, но не дал мне никаких объяснений. Тем не менее, было нетрудно догадаться о значении всего, что произошло, и я сразу почувствовал, что мне грозит опасность попасть в засаду всадников «лована» прежде, чем я смогу добраться до Баги. У меня, вероятно, отберут быков. Чтобы предотвратить эту вероятность, я решил совершить ночной марш, подсчитав, что мы сможем безопасно добраться до Баги, пока «лован» начнет действовать. Но прежде, чем начать переход, нужно было дать людям и волам отдохнуть несколько часов. В десять часов Фортуна послала нам полную луну, которая ярко осветила путь для трудного путешествия, и вскоре весь лагерь был в движении. Крики и проклятия наполняли воздух, так как люди отчаянно работали на погрузке под облаками москитов. Наконец все было готово к старту, и нача-

лись трудности, связанные с ночным маршем. Волы, освобожденные от своих привязей, внезапно бросились вперед, и несколько из них упали в кусты, опрокинув своих погонщиков и сбросив грузы. Эта путаница продолжалась в течение получаса. Затем колонна выстроилась, и мы молча пошли в лунном свете мимо мрачных мысов и призрачных кустов, которые росли на равнине. Это была длинная дорога в двенадцать миль в Кова-Багу. Мы долго шли и, наконец наступил рассвет, который мы встретили у воды Кова-Баги.

ГЛАВА XXI. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ОЗЕРО ЧАД

С большой радостью я снова взглянул на открытую воду. Мало того, что Фортуна привела мне волов, но также было удовлетворение от того, что я быстро воспользовался ее помощью и сделал хороший бизнес, потому что через двадцать четыре часа весь наш багаж был в новой точке отправления с лодками, оставленными всего в двенадцати милях позади. Но, возможно, наиболее сладким было сознание того, что я отомстил своему старому врагу, «ловану». Нам не потребовалось много времени, чтобы снять с волов их грузы. Погонщики были довольны оплатой в тканях, и после обмена рукопожатиями вернулись в Каддай, чтобы добыть свой поташ. Вскоре после этого будума из Баги пришли в мою палатку с рыбой, но, несмотря на мои заверения в добром к ним отношении, они исчезли на следующий день со всеми своими сетями и каноэ.

Это было 1 мая, и я надеялся, что еще через три недели я буду готов предпринять свою четвертую попытку достигнуть по озеру устья реки Шари. В этом деле был элемент отчаяния, поскольку я знал, что неудача означает отказ от лодок. Но, Фортуна снова пришла мне на помощь, приведя пятерых моих бывших носильщиков, которые ранее добрались сюда

от Кукавы, услышав, что я испытываю трудности, и пришли помочь своему старому хозяину. Мне действительно повезло, и теперь, когда в общей сложности у меня было десять носильщиков, понадобится не более двенадцати дней, чтобы лодки были перенесены в Кова-Багу.

Ситуация теперь сложилась более благоприятным образом, чем в течение последнего времени. Весь день жаркое озеро висело дрожащим миражом, который размывал горизонт. Но к вечеру второго дня атмосфера прояснилась. В то время, как Хосе и «бои» были в отъезде, я посвятил свое время изучению соседней территории и сбору экземпляров птиц. Между Каддаем и Багой вся береговая линия закрыта крупными кустами, высотой от 12 до 20 футов, чередующимися с высокими тростниками.

Бага находится на мысе под названием Сеюрум (см. карту в предыдущей главе), который Барт в 1858 году описывал, как остров. Действительно, во время наводнения вода поднимается и очень скоро изолирует мыс, превращая его в остров. Озеро здесь известно туземцам, как «Хи-бул», то есть «белая вода», потому что вода очень прозрачна, пригодна для питья и вообще лишена поташа.

В своих странствиях я часто встречался с рабами, принадлежащими «ловану» Ковы, занимавшимся сбором листа ползучего растения, из которого делают голубой краситель. Эти люди были, главным образом, из племени багирми и были захвачены «лованом» после поражения Фадерел-

лы в Борну. Они с интересом наблюдали за нашими приготовлениями, а однажды пришли и сказали Хосе, что хотели бы убежать от своего рабовладельца и испытать удачу со мной, как только я буду готов пересечь озеро. Поэтому каждый день они появлялись в моем лагере, чтобы посмотреть, как идут мои приготовления, а затем довольные, что я еще не уплыл в тот день, крадучись уходили, чтобы возобновить сбор листьев.

К 5 мая все части одной лодки благополучно прибыли в лагерь, и через день Хосе собрал их. С одной из лодок на озере все стало выглядеть более обнадеживающим для движения вперед. Следующие два дня были потрачены на разведочные рейсы через залив, что подтвердило мои опасения столкнуться с поясом тростника, полностью закрывшим проход в озеро. Сама Кова-Бага была не более чем большой бухтой с глубиной 4 фута и окруженной тростниковыми поясами высотой от 10 до 20 футов. Дни проходили быстро, и 15-го мая все было готово для старта.

Я не могу закончить рассказ о наших усилиях, чтобы доставить лодки из Каддая в Кова-Багу, не отдав дань уважения Хосе и его маленькой группе людей хауса. Восемь старательных людей работали преодолевая огромные трудности. Работа заняла шесть недель, хотя расстояние было всего двадцать семь миль!

После того, как «бои» насладились кратким отдыхом, мы отправились в наш последний рейс по озеру. Все были в при-

поднятом настроении, и «бои» кричали и смеялись, работая своими шестами. В качестве зрителей у нас были сборщики красителей из племени багирми, которые, решившись пойти со мной, собрались вокруг лодок со своими пакетами, содержащими все необходимое для долгого путешествия. Только один из них был на озере раньше, и никто не имел понятия о работе шестом. Их разочарование было большим, когда из восьми человек я выбрал только двоих. Это были люди с великолепными мышцами, и один из них, по имени Букар, привязался ко мне и сопровождал вплоть до Хартума.

Не понадобилось много времени, чтобы пересечь бухту, а затем мы сразу начали атаку на тростники и водяные кусты, а к вечеру проложили путь почти на две мили в северо-восточном направлении. Это, в конечном итоге, привело нас в ряд крупных заливов, а глубина воды была 3 фута над бледно-серой грязью. В следующие два дня мы преодолели еще шесть миль. Это было труднее, потому что заросли здесь были намного гуще. Но эти усилия были ничем по сравнению с тем, что мы пережили, перетаскивая лодки по грязи, потому что среди камышей всегда было достаточно воды, чтобы позволить лодкам плыть, в отличие от вязкой грязи. Во время этих операций мы были вынуждены проводить ночи в лодках. О сне не могло быть и речи, потому что нас атаковали полчища moskitov, и многие из туземцев предпочитали прятаться от кровососов всю ночь сидя по шею в воде. Следовательно, мы были обязаны урывать время на сон

в дневное время, и поэтому каждый второй день устраивали выходной, свободный от рубки тростника.

Но, несмотря на атаки насекомых, я никогда не болел лихорадкой на озере. Нет сомнения, что регион озера – страна белого человека. Дожди никогда не бывают проливными, а пустынный характер почвы вызывает быстрое испарение. Во время сухого сезона с середины октября до конца апреля в воздухе царит восхитительная свежесть, а ночи приятно прохладны, и термометр регистрирует до 43° F в ранние часы утра. Самый жаркий месяц – май, но даже тогда я не считал жару невыносимой, хотя были дни, когда я зарегистрировал 120° F на самом озере. Единственная болезнь, от которой я страдал, была бессонница, потому что я редко мог уснуть, когда знал, что для сна выделено всего несколько часов. Но бессонница переживается более или менее всеми белыми мужчинами после того, как они прожили год в Африке.

Мы прорубаемся через тростники

Прорубая проход в тростниках, мы столкнулись с гигантской черепахой, весом около 100 фунтов. Некоторое время мы держали ее в одной из лодок, и будуума, которые были свидетелями этого говорили, что они никогда раньше не видели таких черепах. Но туземцы с Шари сказали мне, что их можно найти в этой реке.

За тростниковыми поясами мы нашли открытую воду со средней глубиной 5 футов. Пейзаж этой части озера был совершенно иным, чем пейзаж бассейна у реки Йо. Вместо небольших плоских островов здесь были большие островные участки по обе стороны от нашего курса. Канал иногда составлял не более 100 ярдов шириной, в других местах он образовывал большие бухты шириной в две мили, окаймленные темно-зелеными зарослями высотой от 10 до 30 футов. Выйдя из тростника на открытую воду, мы наткнулись на большой рыболовный флот будума из сорока каноэ. Был вечер, и все были заняты подготовкой к постановке своих сетей. До этого времени будума всегда убегали, но теперь к нашему удивлению их начальник (или качелла) приветствовал нас и предложил показать дорогу к другому берегу. Он был человеком среднего возраста, высоким и худощавым, но его лицо было добрым. Он был важным начальником, имеющим значение, и имел большую свиту. Перед тем, как наши лодки разошлись, вода вокруг была вспенена оживленными мужчинами и маленькими мальчиками, бредущими по дну и плывущими наперегонки, чтобы добраться до нас, многие несли нам рыбу. Все желали пожать мне руку, как будто они были заинтересованы в моей дружбе. Они также не успокоились, пока все по очереди, вплоть до самого маленького мальчика, не потрясли мою руку. Впоследствии они вернулись к своей рыбалке, и вскоре многие каноэ были видны, как привидения в сгущающихся сумерках. Было уди-

вительно видеть маленьких мальчиков, не старше десяти лет, управляющих каноэ с мастерством опытных шестовиков.

Вожди (качеллы) племени будума владеют большим количеством рабов, которых они покупают у тубу, как я уже писал в предыдущей главе. Рабы выполняют почти всю тяжелую работу по рыболовству и управлению лодками. Их хозяева жестоки по отношению к рабам, держат их голодными и избивают. Обычай людей будума состоит в том, чтобы построить станцию на каком-либо острове рядом с промысловыми участками, где они остаются до тех пор, пока они не поймают и не высушат достаточно рыбы. Сети используются по большей части, но большие рыбы добываются копьями. Примерно неделя тратится на сушку рыбы и заполнение ей каноэ. Затем, для безопасности, они объединяются с другими каноэ, и все направляются к одному из поселков на берегу озера, где они торгуют с людьми из соседних селений.

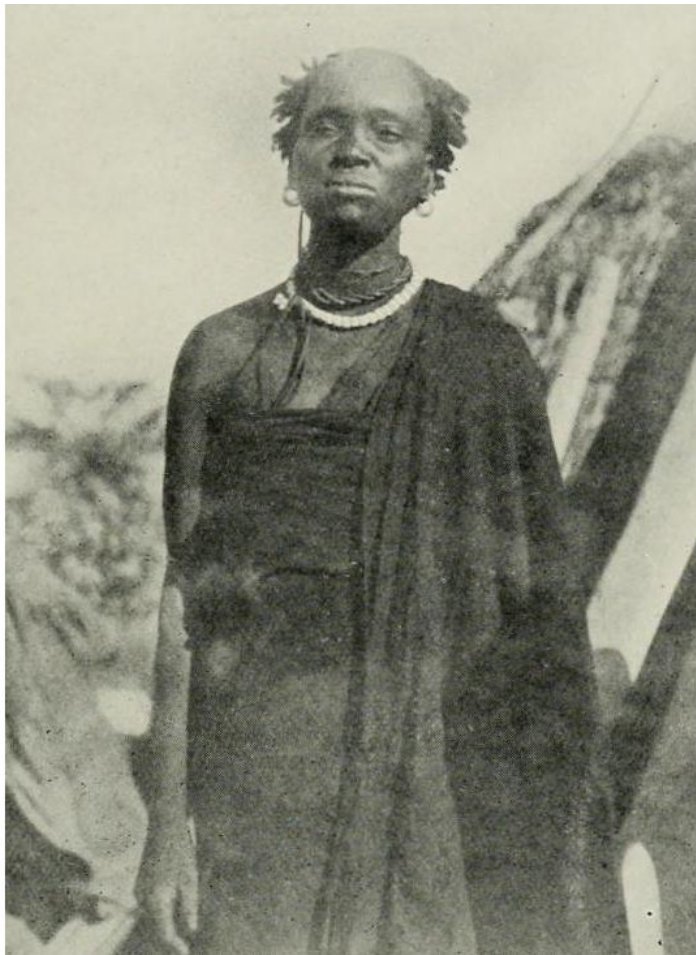
Качелла племени будума

Утром качелла с несколькими из своих старейшин подошел к лодкам и сказал, что он отвезет меня на свой остров, называемый Карра-рагга. При волшебном звучании этого имени все напряжение последних трех месяцев исчезло, и я, казалось, наконец увижу то, что так долго отрицалось многими – город народа будума. Новость вызвала радость «боев», которые смеялись и усиленно толкали лодки шестами, несмотря на чрезмерную перегруженность лодок людьми, которых они теперь везли. Через некоторое время

качелла стал более общительным и назвал мне имена всех островов, которые я набросал ранее на своей карте.

Вечером мы прибыли в Карра-раггу. Это большой остров, длиной около четырех миль и шириной более двух. Вокруг его берегов поднимались темные заросли высокого кустарника, за которым был виден скот, блуждающий по отдельным пятнам травы, чередующимся с зарослями мимозы. Яркая зелень была освежающим зрелищем после песчаных равнин Борну. Мы расположили наш лагерь недалеко от места высадки, пообещав качелле, что посетим его на следующий день в его селении, которое находилось на другой стороне острова. Тем временем, некоторые из женщин пришли к нам с большими калекбасами молока и жидкого масла, а молодой бычок, подарок качеллы, был убит, чтобы накормить «боев». На следующий день меня с эскортом проводили в деревню, и все женщины по дороге останавливались, чтобы поглазеть на меня.

Будума говорят на языке канури. Мужчины высокие, часто ростом более 6 футов, с высокими лбами и тупыми носами. Они носят свободную одежду в виде темно-синей тоги из обычной для Борну ткани, которую они получают в Кова-Баге в обмен на рыбу и поташ. Будума разделены на множество отдельных сообществ.

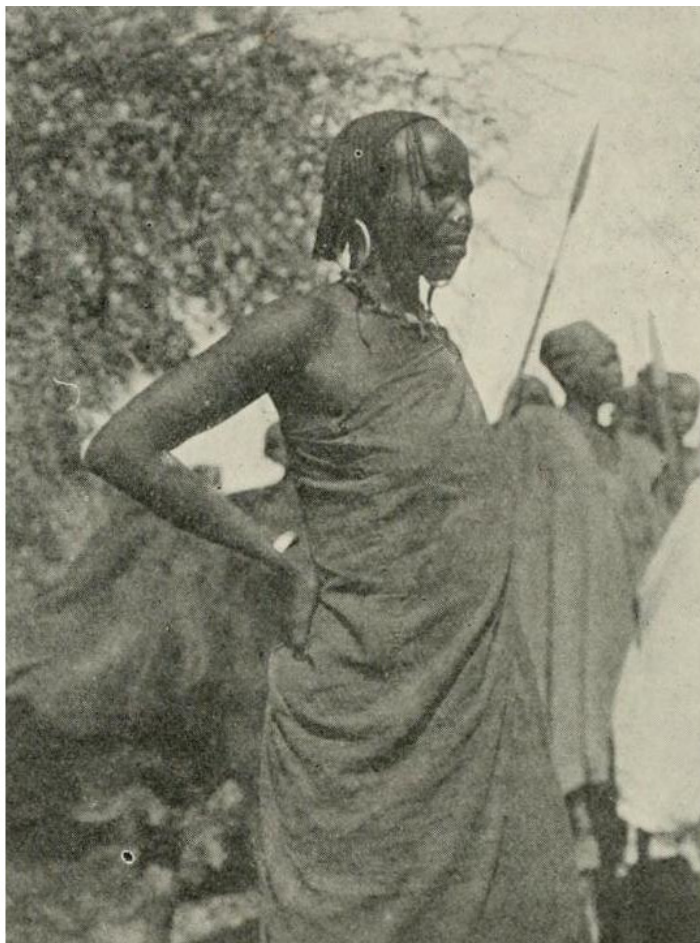

Жена качеллы племени будума

Основными группами будума, обитающими на островах в устье Шари, являются буджия, мадоджия, марбуллуа, ме-диа и кури. Каждая из них управляется своим качеллой, а все они находятся под «королем», которого называют карамми. Женщины маленькие и выглядят, как женщины канембу, которых они напоминают также в том, как причесывают свои волосы с густо смазанными маслом косами, свисающими повсюду вокруг головы и поднятым гребнем в центре. Они украшают скрученные кудри раковинами и серебряными кольцами, а также ожерельями из белых бусин. Несомненно, люди будума и канембу пришли из Канема, и сходство их типов связано с общим происхождением и еще больше укрепляется в результате межплеменных браков. Племенные знаки будума – это два небольших перпендикулярных разреза по обеим сторонам носа, еще два на каждом виске, а один – по центру лба. Их хижины построены из тростника и имеют коническую форму вплоть до земли. Рядом с каждым жильем находится низкая, круглая постройка, покрытая циновкой, непроницаемой для moskitov. Здесь будума прячутся от moskitov ночью.

Качелла вскоре стал откровенным и высказал мне свои проблемы. Он сообщил, что я первый белый человек, который когда-либо приходил на его остров. Вокруг деревни он показал мне большие открытые пространства, которые были сильно вытоптаны скотом, которого больше здесь не было, а затем рассказал мне, как туземные солдаты из окрестных

гарнизонов (он не понял, из британских или французских) однажды приплыли в каноэ, увели стада и убили несколько людей. Чтобы подтвердить свой рассказ, он отвел меня в хижину, где лежал человек с разбитой пулей левой ногой, которая гноилась. Чтобы защитить себя от таких нападений в будущем, он попросил меня дать ему флаг. Но я чувствовал, что не смогу удовлетворить его просьбу, потому что я не был осведомлен о том, на территории какого протектората расположен этот остров и где проходит граница между нашими и французскими владениями.

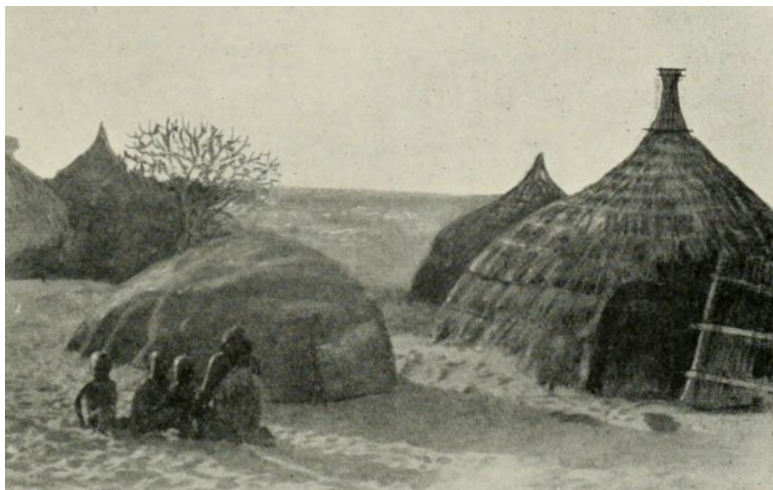
Женщина народа будума

Через два дня мы покинули Карра-раггу, сопровождаемые

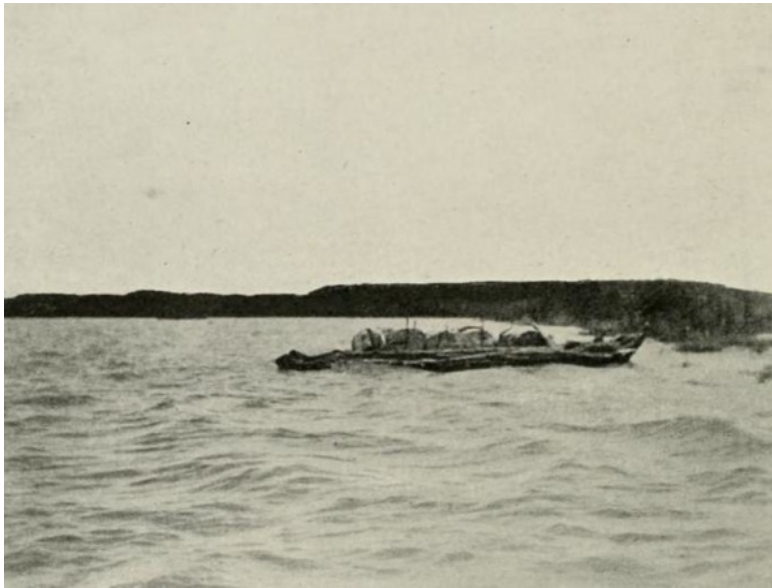
качеллой, чтобы достичь восточного берега. Мы проплыли мимо многих обитаемых островов с заметными возвышенностями и обильно поросших кустарниками.

Наконец, пройдя расстояние в десять миль, мы достигли побережья Канема в месте под названием Вуннда. Берег в этом месте очень сильно размыт, а сама Вуннда во время подъема воды должна быть отрезана от материка, потому что за ней видны болотные протоки. Здесь я увидел большое количество поташа, который проделал пятидневный путь из внутренних районов Канема. Поташ производится в плоских конусообразных блоках весом 30 фунтов каждый, восемь блоков продаются в Борну за 4 шиллинга. Канем представлял собой самую пустынную страну, состоящую из песчаных дюн, иногда покрытых чахлыми мимозами, ветви которых были отбелены песком и ветром. 19 мая качелла и его люди попрощались с нами, и мы отправились на юг в Буи, небольшую французскую станцию, в которой находились два офицера, сержант и рота сенегальцев. Здесь я получил известие о Гослинге, который все еще был в Форт-Лами, где его охватило чувство беспокойства из-за того, что я где-то пропал. Он опасался, что я заблудился или был убит будумами. В Буи французы продемонстрировали мне практику исследования озера на нескольких туземных байдарках, которые были оснащены травяными навесами для белых людей. Из Буи, обойдя побережье Канема на расстояние в двадцать пять миль, мы повернули на юго-запад. Наш курс

теперь осложнялся обширными поясами тростника, водных кустарников и островов, которые часто делали фарватер извилистым и узким. В этих каналах мы находили глубины от 9 до 12 футов. Вокруг юго-восточной части озера страна становится болотистой, здесь когда-то было устье реки Бахр-эль-Газаль, которая была поглощена дрейфующими песками, выдутыми на запад из Судана. Мы теперь плыли по каналу через тростники, которые когда-то были прорублены туземцами кури-будума (одна из групп племени будума) для французов, которые используют канал в качестве средства сообщения водой между устьем Шари и их станцией в Буи.

Хижины будума в Карра-рагге

Каноэ, перевозящее поташ

Канал, прорубленный в зарослях туземцами кури

Примерно за пятнадцать миль до устья Шари на юге озера, мы миновали большие пояса мрачных зарослей и вышли на великолепную открытую воду, и здесь Чад впервые принял величавый вид, ожидаемый от любого большого африканского озера.

Прежде чем покинуть Чад, я попытаюсь дать общее представление об озере, основанное на наблюдениях, которые я

смог сделать. Что касается размера, я определил его значительно меньшим, чем раньше предполагалось; например, северная часть, которая раньше была отмечена на картах на протяжении шестидесяти миль от устья реки Йо, мне показалась не больше тридцати, и мое путешествие по южному бассейну к устью Шари составило сорок пять миль вместо предполагаемых девяноста. Существует идея о том, что озеро высыхает (это подтверждено съемками из космоса в наше время, см. иллюстрацию) из-за потери воды, вызванной исчезновением реки Бахр-эль-Газаль, но я считаю, что размеры не очень сильно меняются, а предполагаемая ранее большая площадь во многом является результатом неточных исследований и частично тем фактом, что деревни на стороне Борну находятся в нескольких милях от озера, что создает впечатление, что они ранее были на побережье.

«Лован» Ковы, которая находится в пяти милях от озера, сказал, что двадцать лет назад из-за сильного западного ветра в течение нескольких дней вода поднялась до этого селения, а еще семь лет назад она прошла даже дальше, покрыв равнину до места под названием Монгонью. Пока наводнения продолжались, будума поднялись сюда на своих лодках и основали рыбный рынок недалеко от Ковы. Этими наводнениями и объясняется строительство туземных деревень вдали от побережья озера.

Сейчас на восточном берегу, который выше западного, и ему не угрожают наводнения из-за длительных сильных

ветров, деревни располагаются рядом с озером.

Однако, тот факт, что проход, используемый французами в 1902 году вдоль восточного побережья до Н'гигни на севере, стал непроходим два года спустя, когда я был там, может быть воспринят, как свидетельство того, что озеро все-таки высыхает.

Другой факт, который, создает впечатление, что озеро уменьшается, состоит в том, что цепи островов, которые когда-то были отдельными, теперь более или менее соединены болотом. Фактически, мои наблюдения показывают, что озеро представляет собой практически два озера, разделенных пятнадцатью милями болот и водяных кустарников, которые я пытался прорезать. Таким образом, образованы отдельные бассейны двух рек (Йо – на западе и Шари – на юге). Более того, качелла сказал мне, что между этими двумя частями нет связи, а я обнаружил, что люди с разных берегов не контактируют и мало знают друг о друге.

Это подтверждается выраженной разницей пейзажей и в характере людей. На севере берега плоские и голые, а глубина воды не превышает 4 фута. Поверхность озера изобилует бесчисленными небольшими необитаемыми островами, которые в большинстве тоже песчаные. Люди не многочисленны и бедны, заняты более или менее разбойничьим промыслом.

Но на юге, или в бассейне реки Шари, все более процветает. Глубина воды составляет от 5 до 9 футов, а острова, ко-

которые имеют сравнительно высокие берега и четкие очертания, являются плодородными и густонаселенными. Повсюду пышная растительность, и его темно-зеленая листва придает очень мрачный характер пейзажам. Это настоящий дом будума, которые являются процветающим народом, добывающим средства для существования ловлей рыбы и поташем, и которые имеют рабов и стада крупного рогатого скота.

ГЛАВА XXII. ВВЕРХ ПО РЕКЕ ШАРИ ДО ГУЛЬФЕ

Когда человек приближается к дельте реки Шари, он видит голую скалу Хаджа-эль-Хамис («Скала-слон»). Она находится примерно в трех милях от озера и поднимается на высоту 800 футов, по форме и внешнему виду, она напоминает скалу Вазе (см. фото в первом томе). Кури-будума говорят, что за семь лет до этого воды озера подошли к скале и подмыли ее подошву.

26 мая мы достигли устья реки, всего через три месяца после того, как отправились пересекать озеро. Было быстрое встречное течение и сильный ветер, который вызвал довольно высокие волны потому, что мы теперь имели под килем 8—10 футов воды. Шесты были заменены на весла, так что «бои» не так сильно могли контролировать лодки, и не понимали необходимости держать их «носом на волну». Следовательно, мы не один раз были близки к кораблекрушению. Река в дельте распадается на пять рукавов, из которых два крупнейших называются Ламкабу и Суве. Первый — основной рукав, и на данный момент имеет глубину 3 фута.

Невозможно описать великую радость, которую я испытывал, когда мы вошли в рукав реки и увидели твердую землю с обеих сторон. После того, как я преодолел лабиринт озера,

у меня появилось чувство, что я утопил все мои проблемы в его водах, и началась новая фаза, полная перспектив для экспедиции.

Хаджа-эль-Хамис («Скала-слон»)

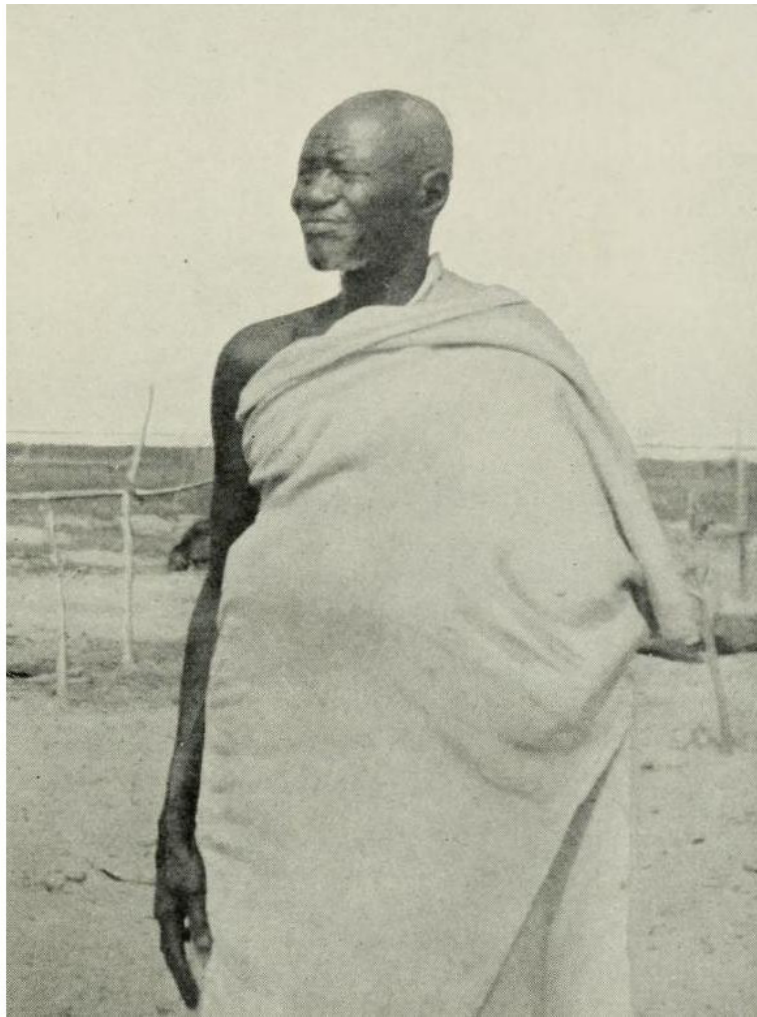
То же чувство охватило людей, когда лодки коснулись берега реки. Оделай (лодочник) выпрыгнул, взял кусочек земли в рот и съел его. Мужчины после того, как отбросили свои шесты, дико кричали и разбрелись по песчаной отмели. Никакой живности не было, чтобы увидеть нашу радость,

за исключением диких гусей и уток, которые были обращены в бегство.

После того, как насладились нашим обедом, мы неторопливо осмотрели реку на милю вверх по течению и разбили лагерь на ночь; самую мирную из всех, которые я провел в последнее время потому, что под яркими звездами не было комаров.

Гульфе (расположен на реке Шари на полпути от устья до Нджамены)

Кури-будума

27 мая мы достигли точки, расположенной на восемь миль вверх по реке от озера, где Суве покидает вправо главный поток. Здесь я покинул лодку и спустился по высохшему руслу канала примерно в полумиле от Джимтило, деревни, населенной в основном арабами племени бенисетт. Но в ней также живут несколько котокос. Рядом есть поселение кури-будума, которые живут отдельно. Хижины в деревне построены по арабскому типу – большие купола из тростника, похожие на хижины шуа, но кури строят похожие на цыганские шалаши маленькие укрытия для своих детей, чтобы те могли там спать. Существует еженедельный рынок, на котором продаются большие количества сушеной рыбы, привезенной из Кури-Багаса. Рынок связан с озером узкими водными путями, которые прорезаны через пояса высоких тростников, и которые почти невозможно было бы обнаружить без предварительного знания об их существовании. В этот Кури-Багас будума привозят рыбу, совершая трехдневное путешествие со своих островов.

Кури по типу различаются от других будума в нескольких чертах. У них длинные носы, и у них нет толстых губ, характерных для других будума. Также кури не обладают высоким, почти дискантным голосом будума. У будума дискантный голос настолько замечателен, что, принимая его в сочетании с другими особенностями, такими как их большой рост, изящный внешний вид и робость, а также их малонасе-

ленные деревни и небольшое количество женщин (ни у кого, кроме качеллы и у главных людей нет жен), я задавался вопросом, не связано ли это с тем, что у островных будума применяется обычай кастрации для предотвращения перенаселения их небольших островов. Эта идея еще больше укрепилась по причине, вызванной при виде медного полумесяца, который многие из вождей носят в одном ухе, о котором мне сказали, что этот знак был вставлен в ухо детстве, чтобы отметить только одного из двух или более сыновей вождя. Именно он имеет право продолжать род. Интересно также отметить в связи с этой темой, что туземцы устья Шари используют термин «будума» как эпитет презрения к человеку. Такая теория, кажется, объясняет быстро сокращающееся количество людей этого народа, который, как полагают, существовал на озере более 300 лет, не терпя потери населения от войн с другими племенами; хотя, конечно, следует признать, что их привычка к близкородственным бракам также приводит к низкой рождаемости.

Рыболовецкая партия кури-будума

В их застенчивости по отношению к незнакомцам все будума похожи. Гослинг, который до моего приезда дошел до устья реки из Форт-Лами (ныне Нджамена), чтобы выяснить, не может ли он получить известие обо мне, записал в своем дневнике следующую заметку о кури. *«На песчаном берегу я столкнулся с некоторыми из этих рыбаков – вероятно, партией, которая не смогла вернуться на свой остров из-за малой глубины воды. У них было три каноэ. Я не смог с ними поговорить, поскольку они вели себя очень робко и застенчиво. Я пошел дальше, и не удалившись далеко, вернулся, надеясь увидеть их на обратном пути. Но они исчезли вместе с каноэ и всем своим имуществом».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.